

ИСТОРИЯ НАУКИ

Ю. А. ВИНОГРАДОВ
YU.A. VINOGRADOV

Н.П. КОНДАКОВ И АНТИЧНАЯ АРХЕОЛОГИЯ РОССИИ¹

N.P. KONDAKOV AND CLASSICAL ARCHAEOLOGY OF RUSSIA

Никодим Павлович Кондаков, 180-летие со дня рождения которого в 2024 г. отметила научная общественность нашей страны, давно признан подлинным корифеем, вклад которого в археологическую науку общепризнан [см. Кызласова, 1985. С.5; Скифский роман, 1997. С. 431–432; Цамутали, 2001; Хрушкова, 2018]. В особенности это относится к изучению памятников византийского и древнерусского искусства [Маркевич, 1890. С. 302–305; Редин, 1897; Покровский, Глубоковский, 1911. С. 749; Белов, 1916; Жебелёв, 1923. С. 133–134, 159; 1938. С. 15; Успенский, 1926. С. 567; Мусин и др., 2019. С. 102; Кашеев, 2021. С. 371]. Знаменитый критик В.В.Стасов в письме к Н.П. Кондакову от 8 декабря 1905 г. назвал его «архистратигом русской археологии» [Стасов, 1962. С. 303]², и ему так или иначе вторили (да и до сих пор вторят) многие исследователи, считающие, что в 90-х гг. XIX в. Н.П.Кондаков по существу встал во главе всех исследователей, занимавшихся русской археологией [Кызласова, 1985. С. 118; Нидерле, 2002. С. 199]. Л.С. Клейн в своей «Истории российской археологии» посвятил Н.П. Кондакову специальный очерк, озаглавив его «Византиец Н.П. Кондаков» [Клейн, 2014. С. 541–565]. Стремясь создать психологический портрет Никодима Павловича, он, скорее всего, имел в виду не только его увлечение византийским искусством, но и общий склад характера, особенности мировоззрения, присущие ему симпатии и антипатии.

В мемуарах «Воспоминания и думы» Н.П. Кондаков назвал себя ученым археологом [Кондаков, 1927. С. 9; 2002. С. 31]. А вот В.И. Кац признал, что он вообще археологом не являлся [Кац, 2023. С. 180], что, конечно, неверно, и даже трудно

¹ Исследование проведено в рамках выполнения ФНИ ГАН «Древнейшее наследие Юга России: города, сельские поселения, некрополи, хозяйственные трансформации по естественнонаучным данным» (FMZF-2022-0013).

² Отношение Н. П. Кондакова к деятельности В.В. Стасова не было однозначным [см. Кондаков, 1907а. С. 6–14; 1907б]. Признавая его заслуги в области художественной критики, Никодим Павлович резко возражал против некоторых концепций В.В. Стасова в области «археологии искусства». В частности, Н.П. Кондаков высоко оценил его исследование расписной катакомбы, открытой в Керчи в 1872г. и вошедшей в науку под названием Стасовской [Кондаков, 1907а. С. 11; 1907б. С. 63–64]. С другой стороны, он считал своего рода манией искания В.В. Стасова восточных влияний в русском быте, костюмах, вооружении и обычаях. По этому поводу исследователь писал: «Можно искренне сожалеть, что его замечательное усердие, обнаруженное в подборании самых мелочных деталей, не нашло себе надлежащего применения в крупной научной работе» [Кондаков, 1907а. С. 12].

понять, каким образом у уважаемого исследователя сложилось такое превратное представление. Археологом Никодим Павлович, конечно, являлся, при этом даже по современным критериям, сильно отличающимся от реалий второй половины XIX в.

Целью данной статьи, однако, является не описание жизненного пути ученого и даже не общая характеристика его деятельности в научной сфере (тем более, что все это уже неоднократно сделано), а вклад Н.П. Кондакова в отечественную античную археологию³, а также тесно связанную с ней археологию скифо-сарматскую. Ставя такую задачу, вполне естественно обратить внимание на обстоятельства, повлиявшие на формирование у будущего корифея интереса к изучению древностей.

Становление ученого. Любопытно, что в названной выше книге мемуаров «Воспоминания и думы», многие страницы которой посвящены описанию детских и юношеских лет, Никодим Павлович ничего не сказал о пробуждении у него интереса к памятникам старины. Москва с ее кремлем и знаменитыми соборами, как будто, не пробудила в нем «отрадного мечтанья». Посещение областей южной России тоже не отмечено суждениями об остатках древних поселений или курганах, хотя не может быть сомнения, что молодой человек видел их и, разумеется, слышал байки о спрятанных в них сокровищах.

Поступив во Вторую московскую гимназию Н.П. Кондаков поначалу увлекся математикой и лишь позднее проявил интерес к изучению греческого и латинского языков. По его словам, только после этого в семье решили, что он непременно станет ученым [Кондаков, 1927. С. 19; 2002. С. 55]. Никодим Павлович признавал также, что древнегреческий язык в гимназические годы был освоен им очень хорошо, так что любой текст он мог читать без подготовки. Правда, исследователь признал и то, что в университете эта способность была утрачена [Кондаков, 1927. С. 19; 2002. С. 55].

В те же годы Н.П. Кондаков пристрастился к чтению исторической литературы. Для основательного знакомства с сочинениями знаменитых историков ему пришлось выучить немецкий язык. Вскоре, однако, старший приятель Н.П. Кондакова студент Семёнов посоветовал ему сосредоточиться на изучении истории искусств – предмете в России новом и обещающем в будущем карьерный рост. Молодой человек прислушался к этому совету, в чем никогда не раскаивался [Кондаков, 1927. С. 24; 2002. С. 63]. Такой выбор свидетельствует, что в круг его интересов вошла и археология, поскольку в те годы она была не просто связана с историей искусств, а по существу являлась частью этой научной дисциплины.

Годы обучения на историко-филологическом факультете Московского университета (1861–1865) – особый и в высшей степени важный период в судьбе ученого. Историю искусств в университете тогда преподавал известный археолог К.К. Гёрец [о нем см. Малейн, 1912; Басаргина, Застрожнова, 2010; Виноградов, 2023]. Он, как

³ В этом отношении стоит обратить внимание, что В.И. Кашеев посвятил Никодиму Павловичу весь номер содержательную статью в «Словаре петербургских антиковедов» [Кашеев, 2021].

известно, в 1859 г. провел раскопки Фанагории, а также составил сочинения об археологической топографии Таманского полуострова и истории его археологического изучения [Гёрц, 1898а; 1898б]. В своих кратких автобиографиях Н.П. Кондаков непременно отмечал, что слушал лекции по истории искусства у этого преподавателя, но главным направлением специальных занятий был обязан не ему, а Ф.И. Буслаеву [(Кондаков), 1896а. С. 338; 1915. С. 338], читавшему лекции по русской и иностранной литературе [о нем см. Раренко, 2019]. Стоит отметить, что о К.К. Гёрце его ученик оставил весьма нелестную характеристику: «Это был человек глубоко бездарный, но трудолюбивый и добросовестный, и хотя был своего рода посмешищем в профессорском кругу, но при всей своей наивности искренно любил науку и знал много больше, чем его насмешники» [Кондаков, 1927. С. 35–36; 2002. С. 90]⁴. Тем не менее, между ними сложились довольно близкие отношения. Не случайно именно К.К.Гёрцу были адресованы два письма Н.П. Кондакова об его археологической поездке 1874 г., опубликованные в «Московских ведомостях» [Кондаков, 1874а; 1874б], о которых речь пойдёт чуть ниже. Трудно сказать, знал ли Никодим Павлович о письмах, которые Карл Карлович писал в 1859 г. с берегов Боспора Киммерийскому председателю Императорской археологической комиссии С.Г. Строганову [см. Виноградов, 2023], но очень может быть, что знал и даже в какой-то степени подражал им.

Тем не менее, еще раз повторю, что не К.К. Гёрц, а Ф.И. Буслаев сильно повлиял на становление научных интересов молодого человека. Именно ему Н.П. Кондаков обязан пониманием важности сравнительно-исторического метода в археологических исследованиях, а также особым вниманием к изучению христианского искусства [Белов, 1916. С. 457; Кыласова, 1985. С. 7]. В отношении своего учителя Никодим Павлович не жалел похвальных слов [Кондаков, 1927. С. 27; 1929. С. 165; 2002. С. 70], в частности называя его основателем науки «русской народной словесности», положившим своими трудами «по символике и мифологии древнего русского искусства» прочное основание «его историческому исследованию» [Кондаков, 1885. С. 110–111].

После окончания университета, Н.П. Кондаков некоторое время преподавал русскую словесность во Второй московской гимназии и военном Александровском училище, а также русскую историю и археологию в Московской школе живописи и ваяния [Редин, 1897. С. 1]. В 1867 г. он совершил первое заграничное путешествие с целью изучения памятников искусства. В то время главной для себя он считал науку классической археологии, теснейшим образом связанную с историей искусства [Кондаков, 1927. С. 75; 2002. С. 181]. Такие поездки потом совершались неоднократно, и, по правильному замечанию А.М. Белова, в Западной Европе вряд ли найдется музей, который бы не был им изучен [Белов, 1916. С. 457].

⁴ С.А. Жебелёв считал, что К.К. Гёрц получил прекрасную научную подготовку по своей специальности, но никогда не был самостоятельным исследователем, а потому и не оставил после себя школы [Жебелёв, 1923. С. 133].

В 1870 г. Н.П. Кондаков получил приглашение поступить на кафедру теории и истории искусств Новороссийского университета. Это приглашение было принято, и 9 сентября 1871 г. 27-летний ученый выступил с вступительной лекцией «Наука классической археологии и теория искусства» [Кондаков, 1872]. В ней он, в частности, отметил возрастание интереса к археологическим и художественным исследованиям, при этом в центре всех теоретических изысканий, по его мнению, находилось классическое искусство. Исследователь указал на массу археологического материала, полученного в результате раскопок последних лет, и констатировал, что в развитии греческого искусства не было полной изолированности. «Для науки, – как считал Н.П. Кондаков, – наступает время, когда каждый памятник, хотя бы и мелкий, не может уже казаться новой, нередко лишней мелочью, без которой можно было бы и обойтись: он, как и новая строка в летописи, освещает особую сторону в монументальной деятельности народа и находит себе место в обозрении, дополняя новое звено исторической последовательности или выясняя принятый принцип» [Кондаков, 1872. С. 90]. Из сказанного вполне очевидно, что классическую археологию молодой исследователь понимал в духе И.И. Винкельмана – как связанную, прежде всего, с историей искусства [Клейн, 2014. С. 544].

В автобиографии, подготовленной для биографического словаря действительных членов Императорской Академии Наук, Н.П. Кондаков отметил, что в 1873 г. выступал с заметками археологического содержания в газете «Московские ведомости» [(Кондаков), 1915. С. 339]. Действительно, на ее страницах за этот год среди корреспонденций из Парижа, Рима, Константинополя и т.д., судебной и театральной хроники, информации о самарском голоде и пр. имеются публикации, связанные с описанием раскопок и находок древних артефактов, но все эти публикации анонимны. Тем не менее, учитывая научные интересы Никодима Павловича, можно предполагать, что им была написана статья о находках в Керчи трех замечательных терракотовых статуэток [Московские ведомости. 1873. № 202. С. 3]. Скорей всего, его перу принадлежит заметка об открытии в 1872 г. расписной катакомбы, изученной В.В. Стасовым и названной по его имени (Стасовская). Автор статьи при этом согласился с мнением исследователя, что представленные там изображения пеших и конных воинов принадлежат какому-то восточному народу [Там же. № 206. С. 5]. Наконец, весьма вероятно, что именно Н.П. Кондаков проинформировал читателей газеты о кургане «Черная могила», раскопанном Д.Я. Самоквасовым как раз в это время под Черниговом [Там же. № 240. С. 3].

В названной выше краткой автобиографии Н.П. Кондаков упомянул об археологической поездке 1874 г. в Ольвию, Херсонес, Керчь и Тамань, а затем через Сухуми и Поти – в Кутаиси и Тифлис [(Кондаков), 1915. С. 339]. В научной литературе этой поездке до недавнего времени не было уделено никакого внимания [см. Виноградов, 2024б], но для Никодима Павловича она, скорее всего, имела очень большое значение. Впечатления от знакомства с археологическими памятниками исследователь изложил в виде двух писем к профессору К.К.Гёрцу,

опубликованных в газете «Московские ведомости». В первом из них автор рассказал о посещении Керчи [Кондаков, 1874а]. В нем он кратко описал основные типы тамошних древних гробниц, а также выразил восторг по поводу двух расписных «катакомб», открытых в 1872 г. (Стасовская) и 1873 г. (двойной склеп). Н.П. Кондаков посчитал, что сцены битв, изображенные на стенах этих гробниц, имеют историческое значение, он даже сопоставил их с рельефами колонны Траяна. А вот состояние Керченского музея древностей, ютившегося в съемных помещениях, произвело на исследователя тяжелое впечатление. Другой негативный момент, отмеченный автором, – спекуляция боспорскими древностями; ее размах просто потряс его.

Второе письмо Н.П. Кондакова посвящено описанию Тамани и Кавказского побережья, куда он прибыл вместе с профессором Ф.К. Бруном [Кондаков, 1874б]. Путешественники с большим вниманием осмотрели городище у станции Сенной, правильно отождествив его с Фанагорией. По заключению Н.П. Кондакова, столь грандиозных руин на Тамани он больше не заметил. Особенно сильное впечатление на него произвели курганы, «которые в одной местности идут целую аллеей или улицей». Затем путешественники перебрались в Анапу и признали, что в древности на этом месте существовал Синдик, порт народа синдов, позднее названный Горгиппией. В окрестностях Анапы Н.П. Кондаков обратил внимание на большое количество курганов, в том числе на группу «Три сестры». Однако в особенности его заинтересовало место, где в 1871 г. были обнаружены две мраморные статуи, затем перевезенные в Новороссийск. Исследователь посетил этот город, осмотрел скульптуры и сделал довольно подробное их описание. «Статуи эти, – по его заключению, – произведение классического искусства на почве древней Скифии или Сарматии», но искусства вырождающегося, характерного для II в. до н.э. – II–III вв. н.э. Н.П. Кондаков полагал при этом, что статуи, скорее всего, были изготовлены во II–I вв. до н.э. Одна из них изображала спокойно стоящую женщину, другая – мужчину в плаще с меховой оторочкой, кинжалом около правой руки и длинным мечом в левой. Последняя статуя привлекла особое внимание Никодима Павловича. Он предположил, что она являлась портретной и изображала либо римского правителя на берегах Понта, либо туземца в римском военном плаще. Даже краткого описания, сделанного Н.П. Кондаковым, достаточно, чтобы признать, что эти скульптуры имеют большое значение для боспорской археологии. Остается лишь сожалеть, что в наши дни об их судьбе ничего не известно.

Выше было сказано, что во время поездки 1874 г. Н.П. Кондаков посетил Ольвию и Херсонес. О том, какое впечатление на него произвели эти памятники античной культуры, мы не знаем. Можно предполагать, однако, что тогда же он посетил Аккерман (совр. Белгород Днестровский) и осмотрел археологические находки, сделанные во время строительных работ 1867–68 гг. на окраине города. Исследователь правильно предположил, что на этом месте существовала древняя Тира. Скромность находок не обескуражила Никодима Павловича. По этому поводу он заключил, что «действительность, хотя и жалкая, лучше роскошных, но праздных мечтаний и толков, под-

держиваемых притом зачастую мотивами, чуждыми науке» [Кондаков, 1876. С. 24].

Годом раньше этой археологической поездки Н.П. Кондаков в Московском университете защитил магистерскую диссертацию «Памятник Гарпий из Малой Азии и символика греческого искусства» [Кондаков, 1873]. Этот удивительный памятник был возведен в древней Ликии (совр. Турция) на рубеже VI–V вв. до н.э. В 1841 г. его замечательные рельефы были перевезены в Британский музей и сейчас находятся в его экспозиции [Фрэнсис, 1984. С. 121, 137, № 169; A Guide, 1912. P. 8–10; Руссе, 1928. P. 122–129, pl. XXI–XXIV; Burn, 1991. P. 114–115]. Изначально памятник представлял собой каменную башню, наверху которой была устроена гробница со всех четырех сторон украшенная рельефами. Среди изображений, представленных на них, имеются фигуры дев-птиц, которых считали гарпиями, что и стало причиной закрепившегося в литературе названия всего монумента. По замечанию Н.П.Кондакова, этот памятник кажется «какой-то странной загадкой, брошенной рукой неизвестного творца в темном углу древнего мира» [Кондаков, 1873. С. 3]. Эту загадку пытались решить многие западные ученые, взгляды которых исследователь подверг самой серьезной критике. Не касаясь авторской интерпретации отдельных фигур или целых композиций, запечатленных на рельефах, необходимо обратить внимание на две важнейшие методические установки, сделанные исследователем: во-первых, это погребальный памятник и представленные на нем рельефы демонстрируют различные детали погребального культа, а, во-вторых, эти изображения надо изучать не по отдельности, но комплексно, во всей их совокупности.

Н.П. Кондаков отнес Памятник гарпий к тем произведениям античного искусства, «которые, не блестя изяществом совершенной формы, отличались глубоким религиозным содержанием» [Там же. С. 13]. Автор при этом был абсолютно убежден в зависимости древнейшего греческого искусства от восточного, указывая на связь изображений на рельефах с ликийскими мифологическими представлениями. Он подчеркивал также, что «до тех пор, пока все археологические выводы будут исключительно основываться на данных, почерпнутых у классических писателей, пока метод исследования памятников будет чисто филологический с примесью эстетической оценки, ранняя эпоха греческого искусства будет всегда представлять много положительных затруднений» [Там же. С. 191]. Наконец, следует отметить, что исследователь считал, что символика надгробных сюжетов черпает свое содержание «в глубокой традиции верований народных», не имеющей ничего общего со схематическими ритуалами, предписываемыми жречеством. Простота и бесхитрость этой традиции, по его мнению, была к тому же весьма далекой от «всяких философско-мистических умозрений времен Платона и Элевсинских таинств» [Там же. С. 194]. Свежесть и смелость этих суждений надо признать и в наши дни.

После защиты диссертации Н.П. Кондаков совершил длительную заграничную командировку (март 1875 – август 1876 гг.) с целью дальнейшего изучения памятников искусства [Кондаков, 1876а; 1876б; 1877а]. Есть все основания считать, что к середине 70-х гг., когда Никодим Павлович переступил черту 30-летнего возраста,

он уже достаточно громко заявил о себе как о талантливом исследователе, серьезно интересующемся археологией. Не удивительно, что на него обратили внимание в Императорской археологической комиссии, нуждавшейся в специалистах такого профиля. Официальное приглашение стать сотрудником ИАК было направлено в Новороссийский университет 23 марта 1876 г. [НА ИИМК РАН РО. Ф. 1. Оп. 1. 1876г. Д. 15. Л. 1–2]. Из этого документа вполне понятно, что Н.П. Кондаков в Петербурге был известен не очень хорошо, во всяком случае, по ошибке его называли Николаем. Более того, в Комиссии не имели представления, где в это время находился адресат, а он тогда, как было сказано выше, находился в заграничной командировке и пребывал в городе Палермо. Там до него дошло приглашение, в ответе на которое 12 апреля 1876 г. Никодим Павлович писал: «По своей должности я вполне свободен для занятий раскопками в Южной России в летние месяцы, равно и для исполнения других поручений в остальное время года. Возвратившись из заграничной командировки в Россию в начале нынешнего лета <...>, я могу затем немедленно отправиться на раскопки по распоряжению Комиссии» [Там же. Л. 4 об.]. Руководство Новороссийского университета «не нашло препятствий» к определению доцента Н.П. Кондакова младшим членом ИАК [Там же. Л. 8]. Так началось его сотрудничество с Императорской комиссией которое продолжалось немногим меньше 15 лет [Длужневская, 2001; Виноградов, 2024а].

Археологические работы Н.П. Кондакова. Императорская археологическая комиссия, как известно, была создана в 1859 г., и здесь важно уяснить, какие задачи были поставлены перед этой организацией. Ее первый председатель С.Г. Строганов писал по этому поводу: «Археологическая комиссия с самого начала своего существования обратила главное внимание на изыскание древностей, относящихся к периоду процветания греческих колоний на нашем Черноморском побережье и ко времени обитания Новороссийского края различными скифскими племенами» [см. Виноградов, 2012. С. 32; 2019. С. 354]. Вполне понятно при этом, что основным районом исследований для Комиссии стал Боспор Киммерийский, берега которого просто усеяны древнегреческими поселениями и, самое главное, огромным количеством курганов. Раскопки больших боспорских курганов быстро обогатили Императорский Эрмитаж массой произведений античного прикладного искусства. Н.П. Кондаков, конечно, должен был трудиться в обозначенном направлении. И действительно, уже в июле – августе 1876 г. он предпринял археологические работы в окрестностях Нимфея и получил, на мой взгляд, весьма любопытные результаты. Для Никодима Павловича это был первый опыт проведения раскопок. Понятно, что о полевой археологии он имел самое общее представление, и методика его раскопок была очень далека от совершенства [Клейн, 2014. С. 544]. Справедливости ради стоит отметить, что в то время этим грешили почти все исследователи Боспора Киммерийского, за исключением разве что А.Е. Люценко.

О полевых работах Н.П. Кондакова 1876 г. под Нимфеем стоит сказать поподробней не только потому, что это был его первый опыт такого рода, но и по той причине,

что в опубликованном отчете [ОАК за 1876 г. С. IX–X, XXIII–XXX] упущены некоторые важные детали, отмеченные в рукописном документе, хранящемся в Научном архиве ИИМК РАН [НА ИИМК РАН РО. Ф. 1. Оп. 1. 1876 г. Д. 20]. Исследования были предприняты на трех территориях: 1) в западной части имения Эльтиген, 2) к западу от озера Чурубаш, 3) около моря, где располагались непонятные валообразные насыпи.

На первом участке были раскопаны 4 большие насыпи [ОАК за 1876 г. С. XXIII–XXV]. В двух из них (№№ 1 и 3) были обнаружены погребения, содержавшие скорченные окрашенные костяки. В первом, по словам археолога, кости имели цвет красного вина [НА ИИМК РАН РО. Ф. 1. Оп. 1. 1876 г. Д. 20. Л. 16]. Один курган (№ 2) содержал земляную гробницу с погребением, в котором находились три остродонные амфоры с бронзовым киафом, широкий меч, бронзовые и железные наконечники стрел, железные наконечники копий и т.д. Весьма любопытен четвертый курган, в центре которого под каменным завалом была обнаружена гробница, содержавшая три костяка взрослых людей и один детский, лежавший в стороне. Покойные были уложены на слой морской травы, в головы им были положены травяные подушки. В могиле был найден лук и тростниковые стрелы.

Исследователь посчитал, что все эти погребения принадлежали скифским кочевникам [Там же. Л. 17 об.], но с ним в полной мере можно согласиться лишь в одном случае – погребение воина из кургана № 2. Гробница с коллективным захоронением из кургана № 4 весьма любопытна, но ее невозможно датировать сколь-либо точно, но, скорее всего, к скифской культуре она не имеет отношения. Обнаруженные исследователем могилы со скорченными и окрашенными костяками, безусловно, относятся к бронзовому веку. Весьма вероятно, что именно Н.П. Кондакову принадлежит честь открытия таких комплексов в Восточном Крыму, но у археологов того времени они не вызывали никакого интереса.

К западу от озера Чурубаш Н.П. Кондаков предпринял раскопки курганов, в основном имевших небольшие размеры [ОАК за 1876 г. С. XXV–XXVI]. Почти все они были либо ограблены, либо не содержали находок, но любопытные объекты встречались и здесь. К примеру, под одной из насыпей была обнаружена каменная гробница «прекрасной конструкции», но совершенно разоренная; в ней был найден лишь человеческий череп, окрашенный зеленью, что произошло, по предположению археолога, «от исчезнувшего шлема» [НА ИИМК РАН РО. Ф. 1. Оп. 1. 1876 г. Д. 20. Л. 18].

Большое внимание Н.П. Кондакова привлек большой курган, носивший название «Иван Бий». В центре его под завалом камней была открыта каменная гробница, в которой находились два костяка с согнутыми ногами, кости которых были окрашены в коричнево-красный цвет. По словам автора, этот комплекс имел все черты скифского [НА ИИМК РАН РО. Ф. 1. Оп. 1. 1876 г. Д. 20. Л. 18 об.], но здесь он, конечно, заблуждался, как и в случае с другими подобными могилами. По этому поводу закономерно возникает вопрос – неужели Никодим Павлович ничего не слышал о системе трех веков К.Ю. Томсена? Вероятнее всего знал, но не стал связывать с ней открытые

им погребальные памятники, хотя теперь уже вполне понятно, что некоторые из них принадлежат к бронзовому веку. Для Н.П. Кондакова, как и для его соавтора по изданию «Русских древностей в памятниках искусства» И.И. Толстого, эта система была «пустой схемой». Научные исследования следовало сосредоточить на предметах, происходящих из курганов и кладов, со стороны стиля их отделки, формы и исторических изменений [Толстой, 1898. С. 227], но об этом будет сказано ниже.

Раскопки на двух обозначенных территориях были признаны очень неудачными, и Н.П. Кондаков решил перенести исследования к городищу Нимфей [ОАК за 1876 г. С. XXVII–XXIX], «где самая близость к морю заставляла рассчитывать на находки» [НА ИИМК РАН РО. Ф. 1. Оп. 1. 1876 г. Д. 20. Л. 19]. К западу от городища были заметны небольшие плоские «бугры», а также валообразные насыпи, идущие параллельно. Предпринятые раскопки показали, что здесь находилось «сплошное народное кладбище» [ОАК за 1876 г. С. XXVII; НА ИИМК РАН РО. Ф. 1. Оп. 1. 1876 г. Д. 20. Л. 19]. Такой результат, разумеется, никак не мог удовлетворить исследователя, поскольку произведений античного прикладного искусства и здесь найти не удалось. Огорченный этим Н.П. Кондаков предпринял ограниченные работы на площади городища, но и они не дали ярких находок [ОАК за 1876 г. С. XXIX–XXX].

Для начинающего археолога результат был тем более огорчительным, что в 1876 г. под Нимфеем рядом с ним трудился директор Керченского музея древностей А.Е. Люценко. В имении Эльтиген ему удалось открыть несколько очень богатых элитарных погребений, ставших хрестоматийными для боспорской археологии [см. Силантьева, 1959. С. 99, № 23, 104–105, № 113, 105–106, № 114, 106, № 115]. Александр Ефимович, по всей видимости, наблюдал за действиями коллеги с долей иронии. По его словам, в раскопанных Н.П. Кондаковым курганах «оказались уцелевшими только одни большие каменные, какого-то неизвестного народа гробницы и притом чрезвычайно бедные; греческие же, открытые им гробницы, были почти все расхищены в давнее время» [НА ИИМК РАН РО. Ф. 1. Оп. 1. 1876 г. Д. 20. Л. 59].

В 1878 г. Императорская комиссия поручила Н.П. Кондакову провести раскопки в Керчи и на Таманском полуострове совместно с новым директором Керченского музея С.И. Веребрюсовым. Никодим Павлович предпринял исследования на склонах горы Митридат, где были обнаружены древние гробницы различных типов [ОАК за 1878 и 1879 г. С. XIII–XIX]. Традиционно здесь большое внимание уделялось изучению так называемых «катакомб». Археолог обратил внимание, «что катакомбы всей этой местности расположены двояко: группами в курганах, идущих по низу покато-сти параллельно городскому предместью, и порознь, но поясами, держащимися параллели хребта, в верхней части его склонов; таких поясов насчитано было до пяти, и местами пояса были правильны и непрерывны» [НА ИИМК РАН РО. Ф. 1. Оп. 1. 1878 г. Д. 11. Л. 3]. Не удивительно, что исследователь попытался найти среди этих сооружений знаменитую расписную катакомбу – «царицу камер», открытую А.Б.Ашиком в 1841 г. и, к сожалению, утерянную [Там же. Л. 4–4 об.]. Замечательные росписи, покрывающие ее стены, по сложности композиции не имеют равных на Боспоре [Ашик,

1845; Ростовцев, 1913–14. С. 346–375]. Увы, ни ему, ни другим археологам найти «цапицу камер» так и не удалось. Более того, Н.П. Кондакову в 1878г. вообще не удалось обнаружить ни единой гробницы, украшенной хотя бы самым простым орнаментом.

Большие надежды исследователя были связаны с раскопками курганов на Таманском полуострове. Работы здесь, в основном, были сосредоточены в «аллее курганов» около Сенной и в цепи курганов, идущей до горы Цымбалы [ОАК за 1878 и 1879 гг. С. IX–XII]. Ни в одном из них не было обнаружено богатых захоронений.

В 1880 г. под руководством Н.П. Кондакова были предприняты серьезные работы в окрестностях станицы Курчанской Кубанской области [ОАК за 1880 г. С. V–IX]. Несколько десятков насыпей были сосредоточены здесь на достаточно большой площади, при этом они располагались как на равнине, так и на прилегающем к станице хребте. В одном из них, расположенном на равнине, была обнаружена конская могила, наряду с прочим содержащая железные удила и стремена. Под ней была расположена главная могила, в которой был зафиксирован гроб в виде большой колоды. При прахе покойного был найден весьма показательный инвентарь: железный шлем, кольчуга, сабля, копьё, 4 дротика и пр. [Там же. С. V–VI]. Нет сомнения, что это было погребение знатного средневекового воина. С современной точки зрения его следовало бы отнести к категории важных археологических открытий, но это с современной точки зрения. Археологи XIX в. придерживались другого мнения, и Н.П.Кондаков не уделил этому погребальному комплексу особого внимания.

Курганы, расположенные на хребте у Курчанской станицы, имели небольшие размеры и содержали небогатые находки [Там же. С. VI–IX]. Н.П. Кондаков заключил, что они имели «явные признаки <культуры> кочевников мэотийского побережья» [НА ИИМК РАН РО. Ф. 1. Оп. 1. 1880 г. Д. 11. Л. 11 об.]. Исследователь вновь не придавал значения тому факту, что некоторые из обнаруженных им костяков были окрашены красной краской, т.е., как мы понимаем сейчас, к меотам не имели никакого отношения.

Почти нет сомнения, что перед сознанием Н.П. Кондакова, так сказать, возникли несметные сокровища, обнаруженные ранее в других курганах Тамани, в частности, в Большой Близнице. Вероятно, надеясь на новые открытия такого рода, он сделал попытку раскопать курган, расположенный в одной версте к северу от этого ставшего знаменитым памятника, но обнаруженные здесь гробницы оказались ограбленными в древности [ОАК за 1880 г. С. IX–X].

Новый председатель ИАК А.А. Васильчиков, назначенный на этот пост в марте 1882 г., обратился к Н.П. Кондакову с просьбой: «Имея в виду, что Вы уже имели случай сами производить археологические исследования в окрестностях Керчи, и что весьма желательно было бы насколько возможно выяснить вопрос, на какие именно пункты следует обратить преимущественно внимание при дальнейших археологических раскопках в тамошней местности, я покорнейше прошу Вас заняться в нынешнем году подробным осмотром означенных окрестностей, произведя в местах, где Вы признаете полезным, более или менее обширные расследования» [НА

ИИМК РАН РО. Ф. 1. Оп. 1. 1882 г. Д. 19. Л. 1]. Н.П. Кондаков в ответе на это послание, в частности, отметил: «Я лично с своей стороны сознаю вполне, как мало удалось мне принести пользы делу Комиссии, несмотря на все мое желание. Быть может, местности, выпавшие на мою долю, а также моя собственная нерешительность были причиной моих первых неудач» [Там же. Л. 6]. Как видим, исследователь по-прежнему питал большие надежды на яркие археологические открытия в районе Боспора Киммерийского.

Для раскопок 1882 г. он выбрал большой курган, находящийся около селения Баксы в окрестностях Керчи, его исследования были продолжены и на следующий год [ОАК за 1882–88 гг. С. IV–VIII, XXX–XXXI]. После нелегких трудов здесь была обнаружена монументальная каменная гробница с уступчатым перекрытием, в которой находился богато украшенный деревянный саркофаг, погребения трех коней, несколько не очень эффектных золотых предметов, краснофигурная ваза и пр. Сейчас уже с полной уверенностью можно сказать, что это было замечательное открытие – самая ранняя на Боспоре гробница такого рода. Исследователь, обратив внимание на разнотипность найденных в ней вещей, посчитал, что здесь были сделаны два одновременных погребения [ОАК за 1882–88 гг. С. VII, VIII]. На самом же деле погребение, скорее всего, было одно, и оно, как можно считать, принадлежало создателю Боспорского государства Сатиру I [Shefton, 1982. P. 155; 1992. P. 249; Виноградов, 2014а; 2014б; 2017. С. 148–153]. В конце XIX в. значение этого открытия не было оценено по достоинству, да и вряд ли этого стоило ожидать.

С большим огорчением надо признать, что Н.П. Кондаков не придал никакого значения деревянной пластине, украшавшей саркофаг [Виноградов, 2014а. С. 513, 520–521; 2017. С. 149], и не присоединил ее к коллекции находок, происходящих из кургана. О пластине мы знаем только из рукописного отчета археолога, в котором записано, что, «вероятно, на акротерии фронтона лицевой стороны <саркофага> находилось изображение египетского солнечного крылатого диска из раскрашенной фанерки» [НА ИИМК РАН РО. Ф. 1. Оп. 1. 1882 г. Д. 19. Л. 22], а между тем этот предмет мог бы стать важным свидетельством совсем не египетского, а ахеменидского влияния на культуру элиты Боспорского государства при ранних Спартокидах [Vinogradov, 2023. P. 109]. Сейчас же об этом можно только предполагать.

Помимо раскопок этого важнейшего памятника, в 1882 г. Н.П. Кондаков вновь предпринял поиски знаменитой «царицы камер» на горе Митридат, но эти поиски опять оказались безрезультатными – шесть обнаруженных им катакомб оказались разоренными и засыпанными землей [ОАК за 1882–88 гг. С. IX]. «Царица камер» так и осталась неуловимой. Затем исследователь провел работы на продолжениях горы Митридат, известных под названиями «Сахарной головы» и «Долгой скалы» [ОАК за 1882–88 гг. С. IX–XI]. Эти раскопки не дали желаемого результата – обнаруженные гробницы не содержали ничего драгоценного. Все это заставило Н.П. Кондакова сделать два серьезных вывода в отношении дальнейших раскопок в Керчи [НА ИИМК РАН РО. Ф. 1. Оп. 1. 1882 г. Д. 19. Л. 26 об.]:

Во-первых, он заявил о бесполезности поисков на горе Митридат и ее продолжении и, напротив, о необходимости систематических сплошных раскопок по северному склону этой горы, где находятся все линии катакомб, «ввиду того, что именно эти местности застраиваются с каждым годом более и более, а открытие одной катакомбы с фресками могло бы вознаградить все неудачи».

Во-вторых, Никодим Павлович указал на необходимость «полного расследования всех больших курганов в наиболее отдаленных местностях Керчь-Еникальского градоначальства, на север от г. Керчи, около Еникале и близ селений Баксы и Булганак, так как именно в этих больших курганах, благодаря каменным их насыпям, добытым из ближайших каменоломен и затруднявшим не только расхищение, но и самые раскопки, могли еще сохраниться древности важного исторического и художественного значения».

Как видим, исследователь твердо придерживался точки зрения, что задача боспорской археологии заключается в раскопках больших курганов и поисках расписных катакомб. Изучение некрополей рядового населения представлялось ему напрасной тратой времени и казенных денег, а вопрос о раскопках древних поселений вообще никак не ставился. Для археологии, нацеленной на поиск художественных ценностей, иного быть просто не могло! Несмотря на все старания, богатых погребений, сравнимых с Куль-Обой или комплексами Большой Близницы, Н.П.Кондакову открыть не удавалось. Тем не менее, он не терял надежды и даже обращался к А.А.Васильчикову с конкретными предложениями по продолжению работ в обозначенном направлении. Так в письме из Керчи от 20 июля 1882 г. он сообщал ему, что «решился сам принять на себя заведование⁵ Золотым курганом, в котором каменоломщики добывали свободно камень. Ныне Управа уже сделала распоряжение о запрещении им добывать там камень. Между тем, если Комиссии угодно будет согласиться на мое предложение, мы можем расследовать его без всяких затрат, так как зимою артели возьмутся за один камень работать в нем, причем надзор может быть поручен здешнему надсмотрщику Василию Памфилову» [НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. 1882 г. Д. 19. Л. 16 об.] К сожалению, это предложение Никодима Павловича не нашло поддержки в Петербурге, и важнейший памятник боспорской археологии продолжал разрушаться. В том же письме он сообщал: «Равно также я завел переговоры с здешним помещиком Львом Абазали о раскопках курганов на его земле, и он соглашается на условиях, выгодных для Комиссии – именно из доли вознаграждения за находки, без плат предварительных» [Там же. Л. 16 об.]

Наконец, стоит отметить, что ученого продолжала волновать судьба Керченского музея. В уже процитированном письме А.А. Васильчикову он сообщал по этому вопросу: «Весьма желал бы слышать Ваше мнение по вопросу о том, следует ли Комиссии хлопотать по устройству здесь здания для Музея Древностей – вопро-

⁵ В данном случае «заведование курганом» означало не организацию в нем хранилища древностей или чего-нибудь подобного, а проведение новых раскопок.

су очень важному и интересующему всю здешнюю интеллигенцию. Уже и теперь все свободные места в городе разобраны, а после отвод места под музей будет еще труднее. Граф Строганов поручал мне когда-то разузнать почву по этому вопросу. Впрочем, когда Вы сами изволите посетить Керчь и увидите, что представляет собою теперешний Музей, Вы решите, как должно направить вопрос. В разговорах с Головою и Гласными я, однако же, очень нужным <считаю> указать на необходимость заранее оставить место для Музея» [Там же. Л. 16 об.]. Однако и в этом вопросе никакого прогресса не происходило.

В 1883 г. Н.П. Кондаков продолжил раскопки курганов, расположенных на Керченском полуострове, но не на землях помещика Льва Абазали, как предполагал ранее. Закончив исследования кургана у села Баксы, он обратился к погребальным памятникам некрополя боспорской знати Юз-Оба, проведя работы на двух из них – Остром (Десятом) и Змеином. Первый из них занимал центральное место в некрополе и был в нем одним из самых крупных. В 1861–1862 гг. этот памятник раскапывал А.Е. Люценко; ему удалось обнаружить здесь каменную крепиду в виде лестницы, а также огромную, хорошо отделанную, но, к сожалению, ограбленную катакомбу [Виноградов и др., 2012. С. 72–83]. Раскопки Н.П. Кондакова, предпринятые в 1883 и продолженные в 1885 г., конечно, были направлены на поиск царского склепа, но они не дали никакого результата. Исследователю пришлось предполагать, что такой склеп был устроен в верхней части курганной насыпи и, соответственно, давно был разрушен [Там же. С. 78, 79]. Такое расположение царской гробницы представляется крайне маловероятным. Скорее всего, единственной гробницей Острога кургана была катакомба, открытая А.Е. Люценко. Можно даже предположить, что в ней был погребен знаменитый боспорский царь Левкон I [Виноградов и др., 2012. С. 83; Виноградов, 2017. С. 154–155], но Никодим Павлович не задумывался по поводу принадлежности больших курганов Боспора тому или иному правителю, возможно, считая рассуждения по этому вопросу чисто схоластическими.

Раскопки Змеинога кургана оказались более успешными [ОАК за 1882–1888 гг. С. XXXI–XXXII, LXXXIII–LXXXIV; см. также Виноградов и др., 2012. С. 93–97; Виноградов, 2017. С. 165–166]. Под насыпью кургана между двумя выступами природной скалы удалось обнаружить два человеческих костяка, лежавших один на другом. При них была найдена чашечка из грубой глины и обломок железного ножа. Н.П. Кондаков посчитал это погребение рабским, что вполне допустимо. Под насыпью был исследован также «жженный точек», т.е. место тризны, на котором было найдено большое количество костей животных, разбитых остродонных амфор и небольших чернолаковых сосудов. В специально вырытых ямках были размещены краснофигурные вазы, а между камнями, поставленными вертикально, – небольшой лекиф афинского мастера Ксенофанта [о нем см. Передольская, 1945. С. 56 сл., табл. V–VI; Виноградов, 2007, с. 8, фото; Petrakova, 2012. P. 158, fig. 9a]. Два костяка, открытые под насыпью кургана, привлекают особое внимание. Соглашаясь с Никодимом Павловичем, их можно определить как человеческие жертвоприношения, совершен-

ные перед сооружением курганной насыпи, а это придает всему памятнику очень необычный, уникальный для Боспора колорит, который вряд ли допустимо считать эллинским [Виноградов, 2017. С. 165–166].

В 1885 г. исследователь продолжил раскопки двух курганов некрополя Юз-Оба – Острога и Змеинога, начатые в 1883 г., но они не дали желаемого результата [ОАК за 1882–1888 гг. С. LXXXIII–LXXXIV]. В этом полевом сезоне более масштабные работы были предприняты на Таманском полуострове [ОАК за 1882–1888 гг. С. LXXXI–LXXXIII]. На сей раз раскопки были проведены в окрестностях станицы Старотитаровской. В расположенных там курганах были открыты погребения, в основном, принадлежавшие эпохе бронзы, к изучению которых боспорские археологи того времени, как уже частично говорилось, не проявляли никакого интереса.

Считая такой результат очень неудачным, Никодим Павлович перенес раскопки на курган Буерова могила, в котором в 1870 г. замечательные находки были сделаны И.Е. Забелиным – меч с золотой обкладкой ножен, золотые гривны, другие украшения [ОАК за 1870–1871 гг. С. IX–XII; Виноградов, 2017. С. 214–215]. Исследователь надеялся обнаружить здесь сохранившуюся боковую гробницу, но его работы по существу оказались напрасными⁶. Наконец, археолог решил доследовать курган на горе Блевака, напротив станции Сенной, но и здесь обнаружил лишь грабительскую мину, разбросанные кости и древесные угли от разоренной кремации [НА ИИМК РАН РО. Ф. 1. Оп. 1. 1885 г. Д. 23. Л. 8].

Раскопки Н.П. Кондакова в Керчи и на Таманском полуострове, как видим, не дали желаемого им и, конечно, руководством ИАК результата. Складывается впечатление, что уже в это время исследователь в известной мере потерял к ним интерес и больше не рвался, как это было ранее, проявить себя в писках древних сокровищ. Однако вскоре для этого представилась одна неожиданная возможность. В 1886 г. ему было поручено провести доследование курганов у дер. Кара-Меркит в Западном Крыму, в одном из которых годом раньше при случайных обстоятельствах было обнаружено богатое скифское погребение, содержавшее четыре золотые пластины с оттиснутыми на них изображениями, 250 бронзовых наконечников стрел, ручку от бронзового киафа, железные пластинки от панциря и пр. [ОАК за 1882–1888 гг. С. ХСІ–ХСІІ]. Н.П. Кондаков провел раскопки на месте находки, но ожидаемого результата они не дали. Выяснилось, что все эти вещи происходят из впускного погребения, устроенного в насыпи более раннего кургана. Обнаруженное в нем женское погребение было совершено в скорченном положении; рядом с костяком находился большой горшок из темной глины, украшенный «ромбовидными зигзагообразными орнаментами» [НА ИИМК РАН РО. Ф. 1. Оп.1. 1885 г. Д. 32. Л. 41 об.]. Во втором кургане была открыта гробница, сложенная из необработанных каменных плит. В

⁶ Исследования Буеровой могилы (Боюр-Горы), предпринятые в недавнее время, дали любопытные результаты, но они не привели к открытию новой царской гробницы [Ворошилов и др., 2016; Кузнецов и др., 2016].

ней находился человеческий костяк, «положенный боком с подогнутыми ногами и руками, вытянутыми к голове; под остовом замечена травяная подстилка с <о> следами извести и изголовье из потлевшего лубка. У рук покойника находился глиняный черный горшок, сделанный грубо, без кружала и лишенный всякой орнаментации» [Там же. Л. 42]. Еще в двух курганах были обнаружены остатки столь же примитивных погребальных сооружений.

Нет сомнения, что раскопки Н.П. Кондакова привели к открытию погребений бронзового века. Может быть, это было первое открытие памятников такого рода в Западном Крыму, но тогда это не нашло никакого отклика. Что касается золотых вещей, обнаруженных в 1885 г., то они, по заключению исследователя, демонстрируют «сравнительно поздний греко-античный стиль варварского типа» [Там же. Л. 42]. Упоминания о находках из Кара-Меркитского (Ак-Мечетского) кургана вошли во все классические труды по скифской археологии [см. Толстой, Кондаков, 1889б. С. 126–127; Ростовцев, 1925. С. 400; Артамонов, 1966. С. 29–30; Ильинская, Тереножкин, 1983. С. 110]. Их связывают с погребением представителя скифской знати и относят к второй – третьей четверти V в. до н.э. [Сенаторов, 2019. С. 38].

В 1887 г. руководство ИАК решило привлечь Н.П. Кондакова к раскопкам Херсонеса Таврического [Романчук, 2004. С. 254]. Археологические исследования на памятнике в этом году были поручены военному инженеру А.Л. Бертье-Делагарду; Н. П. Кондакову следовало обсудить с ним на месте подробный план работ [НА ИИМК РАН РО. Ф. 1. Оп. 1. 1887 г. Д. 22. Л. 6]. Обсуждение, однако, не удалось провести, поскольку уважаемый профессор отправился в очередную заграничную поездку, и раскопки были отложены до будущего года [Там же. Л. 34].

К тому времени в жизни Н.П. Кондакова произошли важные перемены. Он переехал в С-Петербург и с 1 января 1888 г. был назначен ординарным профессором С-Петербургского университет по кафедре теории и истории искусства, а с 15 января его еще назначили старшим хранителем Императорского Эрмитажа. Эти назначения, на мой взгляд, не могли не отразиться на деятельности исследователя как полевого археолога.

Третий (последний!) председатель ИАК граф А.А. Бобринский вынужден был торопить Н.П. Кондакова с проведением исследований в Херсонесе. Он телеграфировал в Севастополь: «Организуите немедленно раскопку Херсонесского городища под начальством Делагарди при содействии Костюшко. <...> Необходимо спешить. Особые причины» [НА ИИМК РАН РО. Ф. 1. Оп. 1. 1887 г. Д. 22. Л. 67]. Особые причины заключались, конечно, во вмешательстве в дело раскопок этого важнейшего памятника со стороны председателя Московского археологического общества П.С. Уваровой, что, естественно, угрожало планам ИАК [Романчук, 2004. С. 254; Стоянов, 2019. С. 748–750]. Претензии МАО на исследование Херсонеса, как известно, не были поддержаны монархом, и в 1888 г. раскопки на городище были проведены под руководством К.К. Косцюшко-Валюжинича. Они оказались в высшей степени удачными – под средневековыми руинами были обнаружены остатки

античного города [ОАК за 1882–1888 г. С. ССVII–ССXII], о чем Н.П. Кондаков с радостью телеграфировал в Петербург [НА ИИМК РАН РО. Ф. 1. Оп. 1. 1888 г. Д. 22. Л. 76]. В высшей степени важно отметить, что тогда была открыта целая античная мастерская по производству терракотовых статуэток [Мальмберг, 1892. С. 4–23]. Кстати, опасения А.А. Бобринского по поводу приезда П.С. Уваровой оказались напрасными. Она посетила Херсонес, и К.К. Косцюшко-Валюжинич писал об этом Н.П. Кондакову 22 июня 1888 г.: «На графиню Уварову раскопки произвели весьма хорошее впечатление, и она провела около двух часов в Херсонесе» [НА ИИМК РАН РО. Ф. 1. Оп. 1. 1887 г. Д. 22. Л. 88–88 об.].

В общем, успех раскопок 1888 г. был бесспорен [Романчук, 2008. С. 77], но Н.П. Кондаков к тому времени, как представляется, все больше и больше терял интерес к полевой археологии. Он писал в ИАК 13 мая 1888 г., что был бы готов продолжать раскопки лишь в крайнем случае, предлагая поручить это дело К.К. Косцюшко-Валюжиничу [о нем см. Романчук, 2008. С. 69–71; 2018]. Тем не менее, в 1889 г. Никодим Павлович продолжил осуществлять общий надзор за раскопками в Херсонесе [НА ИИМК РАН РО. Ф. 1. Оп. 1. 1887 г. Д. 22. Л. 46; 1889 г. Д. 52. Л. 5, 7, 11]. В 1890 г. Н. П. Кондаков вновь определял лишь общее направление работ на городище [НА ИИМК РА РО. Ф. 1. Оп. 1. 1890 г. Д. 26, Л. 31, 34]. А.А. Бобринский надеялся, что и на следующий год исследования памятника будут развиваться в обозначенном русле [Там же. Л. 210–211], но все вышло совсем по-другому.

Н.П. Кондаков, конечно, признавал огромное значение Херсонеса Таврического в русской политической и особенно церковной истории. Он высоко оценил монографию А.Л. Бертье-Делагарда, увидевшую свет в «Материалах по археологии России» [Бертье-Делагард, 1893]. Любопытно, что в своей рецензии на это сочинение Никодим Павлович не преминул отметить, что «русская археология есть только поле для занятий, приемы же и методы научного исследования находятся в области истории искусства» [Кондаков, 1893. С. 396].

Можно предполагать, однако, что профессиональные интересы Н.П. Кондакова, все дальше расходились с его служебными обязанностями как члена ИАК. В конце концов, как известно, он принял решение прекратить свое участие в раскопках Херсонеса. А.И. Романчук правильно отмечает, что мы не имеем архивных материалов, позволяющих с точностью назвать причину этого решения [Романчук, 2004. С. 259, прим. 1], но здесь не следует упускать из вида того важного обстоятельства, что тогда же он покинул Археологическую комиссию. Есть основания считать, что у Н.П. Кондакова, как и у близкого ему И.И. Толстого, не сложились отношения с председателем ИАК А.А. Бобринским [Мусин и др., 2019. С. 245–248]. В послании к нему Н.П. Кондаков просил уволить его с занимаемой должности с 11 января 1891 г. [НА ИИМК РАН РО. Ф. 1. Оп. 1. 1876 г. Д. 15. Л. 44]. А.А. Бобринский в письме в Министерство императорского двора от 18 января 1891 г. заявил, что не встречает «со своей стороны препятствия к увольнению г. профессора Кондакова от упомя-

нутой должности» [Там же. Л. 45]. Просьба ученого была удовлетворена 21 января [Там же. Л. 46, 47]. И.И. Толстой, кстати, был уволен из ИАК 19 января 1891 г. [Мусин и др., 2019. С. 245].

Сотрудничество Н.П. Кондакова с Императорской археологической комиссией продолжалось 15 лет. За это время он провел раскопки на Боспоре (его европейской и азиатской стороне), в Западном Крыму и даже принял активное участие в организации систематических исследований Херсонеса Таврического. Руководство Комиссии оценило усердие своего младшего члена, – 24 апреля 1889 г. он был переведен в члены ИАК [НА ИИМК РАН РО. Ф. 1. Оп. 1. 1866 г. Д. 37. Л. 11 об.], но, как было сказано, пробыл на этой должности совсем недолго. Несмотря на это, следует признать, что объем археологических работ, произведенных Никодимом Павловичем, был чрезвычайно велик. Другое дело – привели ли эти работы к серьезным археологическим открытиям? Сам исследователь, скорее всего, ответил бы на этот вопрос отрицательно. Дело в том, что выдающихся памятников античного искусства не было обнаружено ни в одном из раскопанных им курганов. Правда, именно Н.П. Кондакову посчастливилось открыть уступчатый склеп кургана у села Баксы – одну из самых ранних и принципиально важных боспорских гробниц такого рода, – но ни он, ни последующие поколения археологов не смогли оценить это открытие по достоинству. Краткие отчеты исследователя позволяют считать, что порой он находил показательные погребения, относящиеся к эпохе бронзы или времени средневековья. С современной точки зрения эти комплексы имеют безусловное культурно-историческое значение, но во второй половине XIX в. их рассматривали скорее как досадные обстоятельства, сопровождающие поиски элитарных античных гробниц. Искусствоведческая направленность археологических поисков Н.П. Кондакова (да и других наших исследователей!), как видим, имела очевидные и весьма существенные негативные стороны. Разумеется, все сказанное относится к его деятельности при раскопках курганов, в Херсонесе же исследования были поставлены иначе, правда, и работы на городище проводил не Никодим Павлович, а Карл Казимирович. Стоит отметить и то, что Н.П. Кондаков не присутствовал на раскопках городища на протяжении всего полевого сезона, он появлялся там, так сказать, наездами. К примеру, в 1889 г. Никодим Павлович приезжал в Севастополь лишь в июле [НА ИИМК РАН РО. Ф. 1. Оп. 1. 1889 г. Д. 52. Л. 44], понятно, что для постоянного присутствия у него просто не было времени. Да и Императорская комиссия совсем не настаивала на этом, в своих посланиях Н.П. Кондакову она просила его «дать указания», «определить на месте направление работ» и т.п. Никто уже не требовал от него провести раскопки в том или ином месте.

Выше неоднократно говорилось, что Н.П. Кондаков пытался исправить неприглядное положение Керченского музея древностей, но, к сожалению, безрезультатно. В Херсонесе вопрос хранения археологических находок стоял тогда чрезвычайно остро. Никодим Павлович в донесении в ИАК от 23 июня 1889 г. писал, что древности были рассредоточены в различных местах: в здании и саду монастыря, в строя-

щемся храме, в сторожке Комиссии и т.д. [НА ИИМК РАН РО. Ф. 1. Оп. 1. 1889 г. Д. 52. Л. 17 об. – 18]. Этот порядок хранения он считал временным и подчеркивал, что «чем скорее он заменится иным, тем будет лучше для дела» [Там же. Л. 18]. По его мнению, одна из имеющихся построек могла бы пригодиться, «если не для настоящего Музея, то хотя <бы> для склада древностей» [Там же. Л. 18 об.]. Необходимо отметить, что в Херсонесе мечта исследователя о создании музея была реализована [Романчук, 2004. С. 257; 2008. С. 79; см. также Гриненко, 2018].

Печатные труды Н.П. Кондакова по античной проблематике. Выше были названы некоторые публикации Н.П. Кондакова, имеющие отношение к этой области знания – это и лекция о классической археологии и теории искусств, с которой он выступил при поступлении в Новороссийский университет, и газетные заметки об археологической поездке 1874 г. и результаты изучения находок в древней Тире. Конечно, особое значение, имеет его магистерская диссертация о Памятнике гарпий, сохранившая актуальность до наших дней. Однако следует кратко охарактеризовать и другие труды исследователя пусть не столь масштабные, но не менее ценные для нас.

Будучи преподавателем Новороссийского университета, Н.П. Кондаков активно сотрудничал с Одесским обществом истории и древностей. В «Записках», издаваемых этим обществом, были опубликованы два его сочинения. В первом дана характеристика мраморного рельефа, найденного в Керчи в 1840 г. и находящегося в собрании Одесского музея [Кондаков, 18776]. На мраморной плите, по заключению автора, представлено собрание олимпийских божеств, главными участниками которого были Аполлон и Гермес, их фигуры ориентированы в разные стороны. Изображения всех персонажей представлены в иератических позах, напоминающих архаический стиль. Исследователь правильно отметил, что художник здесь повторил некоторые детали, сложившиеся в архаическую эпоху (одежда, бороды, прически). Таковую манеру он назвал «архаистической» и датировал памятник III или II в. до н.э. По его мнению, плита происходит из храма Аполлона, стоявшего на месте церкви Иоанна Предтечи в Керчи [Там же. С. 24]. В отношении датировки этого рельефа Н.П. Кондаков, конечно, ошибался. Современные исследователи относят его к V в. до н.э. и допускают, что на мраморной плите представлена сцена ссоры богов [Одесский археологический музей, 1983. С. 46, 172, кат. 79].

Важной задачей для преподавателя истории и теории искусства Н.П. Кондаков считал знание не только отдельных показательных памятников, но и целых музейных собраний. Совершая заграничные путешествия и осматривая европейские музеи, он, в частности, обращал внимание на терракотовые статуэтки. По его мнению, эти скромные произведения античного искусства вместе с вазовыми рисунками дают основание для более глубокого понимания греческой религии «в ее общенародном содержании и в историческом ее развитии» [Кондаков, 1876а. С. 178]. Эту идею исследователь развил в большой работе, опубликованной в «Записках Одесского общества истории и древностей» [Кондаков, 1879]. В ней он, в частности, отметил, что связь терракот «с жизнью, бытом и религией греков несравненно живей, чем

монументальных произведений пластики» [Там же. С. 77], и в этом автор, конечно, был прав. Стоит обратить внимание, что в то время наибольшее количество находок такого рода происходило из раскопок некрополей и древних святилищ, что объясняет некоторую односторонность интерпретаций Н.П. Кондакова, но это никак нельзя ставить ему в вину. Дав общую характеристику статуэток, техники их изготовления и стилистического разнообразия, автор большое внимание уделил, так сказать, содержательной стороне образов, представленных в изделиях коропластов. В частности, он подчеркнул, что в терракотах представлены не все олимпийские божества, здесь не встречаются Посейдон, Афина, Арес, Гермес, Гефест, Гелиос и др., а статуэтки Геры так близки изображениям Деметры и Афродиты, что их вряд ли когда-нибудь можно будет выделить наверняка [Там же. С. 121]. Напротив, в их массе широко представлены божества судьбы, земной жизни, рождения и смерти, спасения от бед и пр. [Там же. С. 124]. Статуэтки, происходящие из могил, демонстрируют идею воскресения к новой жизни – гибель Ниобид, умирающий Адонис, Нереиды, переправляющиеся через океан, Эрот на лебедь или дельфине, крылатые гении и пр. В образе Геракла, по мнению Н.П. Кондакова, запечатлен идеал близкий и дорогой для человека, при этом в терракотах нет изображений подвигов героя, но широко представлен тип отдыхающего Геракла, и это в высшей степени показательно. Автор неоднократно повторяет, что терракотовые статуэтки так или иначе выражают круг религиозных идей, связанных с Деметрой и Корой, Дионисом, Афродитой.

В своей публикации Н.П. Кондаков не обошел вниманием так называемые жанровые статуэтки, сюжеты для которых были преимущественно взяты из области женского быта [Там же. С. 171], связанного с игровой народной культурой. Для исследователя осталось непонятным, почему для помещения в могилы выбирались фигурки писателей, философов, воинов, всадников, торговцев, пекарей, цирюльников и т.д. [Там же. С. 176]. Наличие изображений рабов и варваров, по его мнению, следует объяснить их безобразностью; такие статуэтки были апотропеями.

Завершая рассуждения о терракотовых фигурках, Н.П. Кондаков указал, что они украшали жилище бедняка, а потом и его могилу. Археологическая наука, по мнению исследователя, должна вскрыть связь этих изображений с народным бытом и наиболее интимной, так сказать, домашней стороной религии древних греков, и на этом отношении утвердить их значение, как явления оригинального и самобытного [Там же. С. 178–179]. С таким заключением следует согласиться, хотя терракотовые фигурки, как известно, встречаются не только в могилах бедняков, – к примеру, целые их наборы обнаружены в богатейших жреческих погребениях Большой Близницы [Передольская, 1962]. Несмотря на имеющиеся недочеты, эта публикация не потеряла научного значения, и не будет большим преувеличением считать, что современные исследователи могут почерпнуть из нее немало важного и полезного.

Выше говорилось, что в 1878 и 1880 гг. Н.П. Кондаков предпринял масштабные работы на Таманском полуострове. Напомню, что находки, сделанные при раскопках курганов около станицы Курчанской, он связал с культурой «кочевников мэотийско-

го побережья» [НА ИИМК РАН РО. Ф. 1. Оп. 1. 1880 г. Д. 11. Л. 11 об.]. Изучение этого района и шире – Кавказа исследователь признавал одной из важнейших задач российской археологии, и не удивительно, что его имя называют среди пионеров изучения кавказских древностей [Рысин, Стёганцева, 2019. С. 931]. В статье «Мелкие древности Кубанской и Терской областей», Н.П. Кондаков отмечал, что археология в названных областях – «не часть, не младшая сестра истории, а мать ее» [Кондаков, 1878. С. 139]. Исследователь выразил свои впечатления от посещения Кавказского музея в Тифлисе, в котором находились некоторые предметы, происходящие из прикубанских курганов: оружие, конская сбруя, кувшины, украшения, бусы и т.д. Наибольший его интерес вызвали художественные находки, дающие возможность для определения «стиля, а, следовательно, и времени происхождения древностей» [Там же. С. 141]⁷. По его заключению, древности Прикубанья оставлены разноплеменным населением (синды, керкеты, гениохи и пр.). Большое культурное влияние на эти племена оказывало Боспорское царство, отчасти подчинившее их. С другой стороны, мир этих варваров постоянно теснили «громadne орды диких кочевников, передвигавшихся к Меотиде»; в их числе автор назвал аорсов и сираков [Там же. С. 145].

Возвращаясь к рассуждениям о художественных предметах, происходящих из Прикубанья, Н.П. Кондаков задавался принципиально важным вопросом – к какой варварской цивилизации следует их отнести? И дал на него вполне определенный ответ – к скифской цивилизации. Это название, по его мнению, «хотя <...> и должно было относиться к известному племени, однако с полным правом может быть, по крайней мере, в области культуры и искусства, выдаваемо за термин общий, географический, а не частный, этнографический» [Там же. С. 146]. Итак, по его мнению, древнюю культуру Прикубанья надо считать скифской, хотя этот район был заселен нескифскими народами. Наконец, по его заключению, варварское искусство этих народов находилось «в полной зависимости от искусства классических народов», и «мы должны пользоваться этой связью, как руководящим началом, которое дало нам первое обобщение и почти единственный научный термин» [Там же]. Вот в таких мудреных выражениях автор заявил о необходимости изучения предметов античного художественного импорта из варварских контекстов.

С 1889 г. начинают выходить книги серии «Русские древности в памятниках искусства», на обложке которых обозначены имена двух авторов – Н.П. Кондакова и И.И. Толстого, хотя, безусловно, основную работу по подготовке этого издания выполнил Никодим Павлович. Для нашей темы по понятным причинам наибольшее значение имеют два первых тома – о классических древностях [Толстой,

⁷ Изучение стиля исполнения древних художественных произведений было одним из краеугольных камней концепции Н.П. Кондакова. Не удивительно, что в своей рецензии на исследование В.К. Мальберга о метопах древнегреческих храмов он упрекал автора в невнимании к вопросам стиля [Кондаков, 1892. С. 342, 251].

Кондаков, 1889а] и древностях скифо-сарматских [Толстой, Кондаков, 1889б]. Главный вывод о сути происходивших культурных процессов был сделан уже в первом томе серии. Авторы заключили, что многолетние археологические работы привели «к полной ясности существо связи разнообразного и характерного быта населения Южной России с греческим искусством, иначе говоря, его художественное выражение в господствовавших с IV-го столетия до Р. Х. по II-й век по Р. Х. формах греческого стиля» [Толстой, Кондаков, 1889а. С. 113].

В плане понимания подхода Н.П. Кондакова к изучению развития культурных взаимодействий в Северном Причерноморье определенный интерес для нас представляют также тома, посвященные памятникам времени переселения народов [Толстой, Кондаков, 1890] и домонгольской Руси [Толстой, Кондаков, 1897]. То же самое можно сказать и о его книге «Русские клады» [Кондаков, 1896], хотя в хронологическом отношении она весьма далека от рассматриваемых нами сюжетов. Наконец, принципиально важной представляется работа, опубликованная в Праге уже после смерти автора. Имеются в виду «Очерки и заметки по истории средневекового искусства и культуры» [Кондаков, 1929], точнее введение к этой монографии, названное «Древности восточных кочевников в Южной России (скифо-сарматские)», но речь об этом подробней пойдет в заключительном разделе моей работы.

Все перечисленные публикации базируются исключительно на изучении известных к тому времени произведений древнего искусства. На их основании автор сделал попытку реконструировать цельную картину многовекового культурного развития на юге России [Тункина, 2004. С. 651]. Что касается «Русских древностей в памятниках искусства», то эти тома и сейчас производят большое впечатление, а современниками они, как представляется, воспринимались с полным восторгом. Мне думается, что в наши дни каждый исследователь, открывающий любое из этих изданий, невольно проникается чувством почти благоговейного уважения к грандиозной работе, проделанной авторами. Это чувство, однако, не мешает видеть все недостатки научных построений, основанных только на изучении памятников искусства. И.Л. Тихонов правильно указывает на то, что в этих публикациях напрочь отсутствует библиография и справочный аппарат, не проведен анализ археологических комплексов, из которых происходят отдельные художественные предметы, абсолютно не разработана их хронология и т.д. [Тихонов, 2001. С. 28–29]. Этнической атрибуции памятников Н.П. Кондаков и И.И. Толстой тоже не уделяли особого внимания, точнее – даже не попытались выделить критериев, позволяющих судить об этом важном аспекте более или менее обосновано. К примеру, соавторы считали сарматским погребение в кургане Ак-Бурун, раскопанном под Керчью в 1875 г. [Толстой, Кондаков, 1889а. С. 47], что, в целом, вполне возможно [Бутягин, Виноградов, 2014. С. 99–110; Виноградов, 2017. С. 176–182], но они признавали сарматскими и царские погребения в Куль-Обе и Чертомлыке [Толстой, Кондаков, 1889б. С. 113–114], что, на мой взгляд, недопустимо. Искусствоведческого подхода к решению столь сложных вопросов, конечно, недостаточно. Тем не менее, исследовательские труды Никодима

Павловича в области античной археологии важны не только для понимания своеобразия развития отечественной науки о классических древностях того времени. Они содержат немало ценных наблюдений и суждений автора по затронутым вопросам.

Розы и тернии научных поисков. Нет спору, Н.П. Кондаков достиг больших высот в российской, да и в мировой археологии, при этом его заслуги перед наукой были весьма высоко оценены. Из «Послужного списка» исследователя, хранящегося в Научном архиве ИИМК РАН, можно узнать, что к моменту окончания сотрудничества с ИАК (1891 г.) ученый был награжден несколькими орденами: Св. Владимира 3 ст., Св. Анны 2 ст., Св. Станислава 2 ст., Св. Анны 3 ст. [НА ИИМК РАН РО. Ф. 1. Оп. 1. 1866 г. Д. 37. Л. 2 об.]. Чин действительного статского советника Никодим Павлович получил 29 декабря 1882 г. [Там же. Л. 1 об.], а по «Табели о рангах» он соответствовал генерал-майору. Стоит отметить, что в 1900 г. Н.П. Кондаков стал тайным советником, выше которого расположены лишь чины действительного тайного советника и канцлера. Членом-корреспондентом Академии Наук он был избран в 1892 г., а академиком – в 1898 г. Послужной список, безусловно, производит большое впечатление, при этом я не упомянул многие другие его награды и регалии.

Однако здесь следует вновь обратиться к печатным трудам Н.П. Кондакова и, на сей раз, более критично. Выше говорилось о важности многотомного исследования И.И. Толстого и Н.П. Кондакова «Русские древности в памятниках искусства». Не секрет, что в том же самом ключе была выдержана монография «Русские клады» [Кондаков, 1896б]. И хотя она посвящена памятникам более позднего времени, но методические установки исследователя обозначены в ней не менее четко, да и отношение к ней русской научной общественности не было однозначным. В этом сочинении Н.П. Кондаков резко высказался против «досужего остроумия археологов», трактующих вопросы развития звериного стиля в искусстве различных народов. Он признал излишними «всякого рода рассудочные объяснения мифов, языка и художественных форм, тогда как истинно научный метод заключается в анализе исторического развития звериной формы от цельной формы до позднейшего вырождения в бессмысленный орнаментальный придаток» [Кондаков, 1896б. С. 5]. Несколько забегаю вперед, стоит сказать, что этот непростой путь познания чреват немалыми опасностями.

Сначала отмечу некоторые похвальные суждения. Не удивительно, что И.И. Толстой отозвался об этом сочинении с очень большой похвалой [Толстой, 1998]. Иного и быть не могло! Ученик Н.П. Кондакова Д.В. Айналов вслед за учителем с воодушевлением повторил, что лишь история искусства должна быть общей наукой о древности, и лишь археологический материал, введенный в систему общей истории искусства, является показателем исчезнувших столетий культурного развития [Айналов, 1897. С. 160]. В.В. Стасов в письме к Н.П. Кондакову от 21 апреля 1897г. отметил, что на этом его сочинении «оснуется (т.е. будет основана – Ю. В.) потом новая наука» [Стасов, 1962. С. 298]. «Русские клады» действительно получили высокую оценку в ученых кругах, по ходатайству ИАК книга даже получила посвящение памяти императора Александра III [Васильева, 2001. С. 44].

В «Русских кладах» Н.П. Кондаков, в частности, высказал одну важную идею в отношении оценки культурного развития кочевых народов евразийских степей. «Быт кочевников, – по его мнению, – в известную эпоху шел впереди быта земледельческого по усвоению культурных форм, хотя эти формы касались исключительно среды личных украшений, уборов, что называется доселе богатством в народе» [Кондаков, 1896. С. 29]. Это выражение было дословно повторено в одном из томов «Русских древностей» [Толстой, Кондаков, 1897. С. 25]. И.В. Тункина считает, что впоследствии эта идея была разработана в трудах других ученых и, в первую очередь М.И. Ростовцева [Тункна, 2004. С. 651–652; ср. Клейн, 2014. С. 550–551]. Надо признать, что отечественные исследователи смотрели на культуру кочевников и их историческую роль несколько иначе. К примеру, В.В. Латышев на 10 лет раньше Н.П.Кондакова трактовал проблему взаимоотношений Ольвии и других греческих центров Северного Причерноморья с миром варваров и, прежде всего, номадами совсем в другом ключе. Он справедливо отмечал, что периодически возникавшая враждебность варваров по отношению к греческим колониям обыкновенно была следствием передвижений народных масс, пришельцы оттесняли дружественных соседей греков и либо совершали хищнические набеги на эллинские поселения, либо, «под страхом таких нападений, вымогали с них ежегодную дань» [Латышев, 1887. С. 15]. Соответственно, богатство степных курганов в известной мере можно объяснять не только «усвоением культурных форм» кочевниками, но и результатом их агрессивной политики по отношению к земледельческим государствам. Что касается М.И. Ростовцева, то этот ученик Н.П. Кондакова действительно многое взял у своего учителя. По затронутому вопросу он писал, что степные государства могли создавать «очаги оригинальной и интересной культуры, где, по необходимости, смешивались культурные достижения востока, эллинизма и запада» [Ростовцев, 1918. С. 5]. Эти государства, однако, одно за другим сходили с исторической арены «под напором могучих волн движущихся с востока народных масс» [Там же. С. 6]. М.И. Ростовцев, как видим, по-своему соединил концепции В.В. Латышева и Н.П. Кондакова, нарисовав значительно более историчную картину взаимоотношений номадов Северного Причерноморья с цивилизованным миром.

Несмотря на отмеченные выше восторженные отклики о «Русских кладах», эта публикация встретила серьезную критику со стороны Д.Н. Анучина. По этому поводу он опубликовал большую статью в газете «Русские ведомости» [Анучин, 1897а]. В ней Дмитрий Николаевич правильно указал, что имеющиеся археологические материалы слишком скудны, чтобы уверенно судить, какие древности принадлежат славянам, а какие неславянским племенам. Д.Н. Анучин, естественно, подчеркнул, что у Н.П. Кондакова основой авторской концепции является признание факта, что лишь история искусства может придать научный характер изучению древностей. Подготовленное им исследование, соответственно, базируется на изучении художественных типов (здесь и далее курсив мой – Ю.В.), при этом все наиболее яркие, хорошо исполненные предметы Н.П. Кондаков признавал славянскими, а грубые и

нескладные – финскими и др. По его мнению, именно славяне побудили соседние народы к прогрессивному развитию. Такие выводы Д.Н. Анучин признал преждевременными.

Автор публикации отметил также недостатки других исследований Н.П. Кондакова. В частности, он резко возражал относительно трактовки изображения на одной из бронзовых сибирских (точнее, пермских) блях, на которой Н.П. Кондаков видел хищную птицу, уносящую человека, и понимал ее как сцену вознесения Александра Македонского [Толстой, Кондаков, 1897. С. 18, 100, рис. 17]. По его мнению, этот предмет связан с религиозными представлениями сибирских народов (шаманским культом), с легендой об Александре он не имеет ничего общего.

Несмотря на серьезную критику, Д.Н. Анучин в заключение своего сочинения указал, что рецензируемый труд «представляет важный вклад в науку о русской старине и вносит много новых мыслей и соображений в ту разрозненную грудку русского археологического сырья, которая известна под общим названием курганных древностей и кладов <...>». С такой оценкой, на мой взгляд, можно в полной мере согласиться.

Тем не менее, Н.П. Кондаков воспринял критику, содержащуюся в этой статье, весьма болезненно. В одном из своих писем того времени он даже поставил вопрос – «что вообще понимает <в этом предмете> Анучин и все господа, именующие себя русскими археологами?» [см. Тункина. 2004. С. 648]. На этот вопрос стоит ответить вполне определенно – довольно многое понимали, и Д.Н. Анучин в своих критических суждениях был во многом прав. Во всяком случае, И.В. Тункина напрасно признала эту рецензию предвзятой [Тункина, 2004. С. 647]⁸.

Выше уже говорилось, сколь большое значение в концепции Н.П. Кондакова имел сравнительно-исторический метод. В рецензии на сочинение своего учителя Ф.И. Буслаева он писал, что только такой подход следует считать научным в археологических вопросах [Кондаков, 1895. С. 111]. Его ученики назвали этот метод *иконографическим*, распространив его на археологию [Тихонов, 2001. С. 29], но сам Никодим Павлович такого термина не использовал [Клейн, 2014. С. 546–547]. По убеждению исследователя, с помощью этого метода следует изучать все крупные художественно-исторические типы, которые он называл также иконографическими типами [Кондаков, 1895. С. 115–116]. *Иконографический тип*, понимаемый как стандарт изображения того или иного художественного образа, стал главным понятием в научной системе Н.П. Кондакова [Клейн, 2014. С. 547]. Исследователь призывал изучать движение форм от их зарождения и максимального развития до упадка, вы-

⁸ Д.Н. Анучин весьма критично отнесся также к концепции Н.П. Кондакова о происхождении «шапки Мономаха» [Анучин, 1897], но и эту его публикацию нельзя назвать предвзятой. Стоит отметить, что автор мог обрушиться на оппонента почти с откровенной бранью, как это имело место в полемике с Д.Я. Самоковасовым [см. Виноградов, 2022. С. 446–447], но в ситуации, связанной с трудами Н.П. Кондакова, ничего подобного нет.

являя при этом различные культурные влияния. Свою концепцию он пояснял с помощью следующего примера: «Археология должна со временем встать на такую научную ногу, чтобы, сравнивая между собою афонскую икону с фрескою катакомб, быть в состоянии, если потребовалось, проследить все движение сюжета и таким образом объяснить их тысячелетнюю разницу» [Кондаков, 1885. С. 126]. После такого пояснения, однако, не становится понятней, каким образом автор сумел усмотреть на сибирской бронзовой пластине изображение вознесения Александра Македонского.

На страницах публикаций Н.П. Кондакова имеется выражение, которое современными исследователями может быть понято, совсем не так, как это считал автор. В «Памятнике гарпий» он упомянул о *художественной мифологии*, понимая под этим термином многовековую путь развития культа божества [Кондаков, 1873. С. 4–5]. Между тем, его можно понять как намек на возможность изучения изобразительных сюжетов, представленных прежде всего вазовыми росписями, которые не укладываются в привычную систему греческих мифологических сказаний. Они явно повествуют о каких-то других историях и других мирах. К примеру, таким надо считать сюжет, представленный на большом лекифе Ксенофанта [Виноградов, 2006; 2007]. М.В. Скржинская предположила, что изображения на этом сосуде имеют отношение к какому-то несохранившемуся мифу [Скржинская, 1999. С. 129; Skrzhinskaya, 2000. P. 294]. Однако трактовка подобных сцен, представленных на вазовых росписях, с помощью концепции «утраченного звена» в высшей степени сомнительна [Hoffmann, 1985/86. P. 62]. Смысл древних изображений продуктивней искать в самих этих изображениях, и для таких поисков очень подходит термин *художественная мифология*. Пассаж из другого сочинения Н.П. Кондакова, однако, не позволяет считать его основоположником этого перспективного, на мой взгляд, научного направления. Исследователь пояснил, что *художественная мифология* имеет целью показать, как создавалось, развивалось и видоизменялось изображение какого-нибудь божества или другого мифологического персонажа [Кондаков, 1872. С. 61]. И.Л. Кызласова считает этот подход особым направлением научных поисков, соответствующим «разделу иконографии в изучении “христианского” искусства» [Кызласова, 1985. С. 94].

Н.П. Кондаков даже после критик Д.Н. Анучина продолжал настаивать на том, что область так называемой археологии является областью сосредоточения материала сколь необозримого, столь и крайне неопределенного по составу. В среду этого «сырого материала вещественных древностей» надо ввести «научный метод, принадлежащий истории искусства» [Кондаков, 1899. С. 46]. На этом пути следует изучать художественные и бытовые типы, но, по мнению исследователя, ими богата археология одного скифо-сарматского периода, другие эпохи не отличаются таким разнообразием. В более поздней публикации, Н.П. Кондаков писал то же самое, но другими словами – «археология, как статистическая наука древностей, переходит в историю искусств как науку развития форм» [Кондаков, 1906. С. 456]. В общем, Никодим Павлович был тверд в своих убеждениях, хотя в начале XX в. его концепция уже стала архаичной [Тихонов, 2001. С. 29].

Подводя итог. Как известно, в 1920 г. Н.П. Кондаков покинул Россию, и в его жизни изменилось очень многое [Тункина, 2004; Басаргина, 2004]. Но изменилось ли хоть что-то во взгляде исследователя на археологию южной России? Признал ли он некоторые недостатки своего метода? Внес ли коррективы в свою научную концепцию? Для ответа на эти вопросы можно обратиться к упоминавшейся выше монографии «Очерки и заметки по истории средневекового искусства и культуры», увидевшей свет в Праге после смерти автора [Кондаков, 1929]. Введение к ней как раз и посвящено скифо-сарматским древностям. На первой же его странице автор констатировал, что историческим анализом памятников древних культур должна заниматься археология искусства, а наиболее показательные памятники такого рода сосредоточены на Боспоре или же относятся к культурам скифо-сарматских народов [Там же. С. 3]. Сразу можно понять, что Н.П. Кондаков не внес в свою концепцию никаких существенных изменений.

Исследователь вновь большое внимание уделил образу жизни степняков, указав на связь кочевников Азии и Восточной Европы. Стоит напомнить, что в более ранних своих трудах Н.П. Кондаков писал: «Быт кочевников в известную эпоху шел впереди быта земледельческого по усвоению культурных форм, хотя эти формы касались исключительно среды личных украшений, уборов, что называется доселе богатством в народе» [Кондаков, 1896. С. 29]. Такая формулировка, как отмечалось выше, нашла понимание у некоторых современных исследователей, но в последней своей публикации автор несколько изменил ее и, указал, что «культура приходила к кочевникам раньше, чем к земледельцам» [Кондаков, 1929. С. 7]. В наши дни с этим заключением вряд ли согласится хоть кто-нибудь из исследователей номадизма. Чтобы понять его нелогичность, достаточно задать всего один вопрос – откуда культура приходила к кочевникам? Станным выглядит и другое авторское утверждение, что кочевники ближе знали Китай, Индию и Персию, чем люди и правители этих стран знали кочевников [Там же. С. 10].

Н.П. Кондаков немалое внимание уделил характеристике хозяйства, быта и религии номадов. Он обратил внимание на некоторые религиозные символы, представленные на произведениях искусства из степных курганов: древо жизни, олени, птицы, рыбы и др. Особенно его привлекал образ оленя, мирно улегшегося на пастбище. Этот образ, по мнению исследователя, мог служить и свидетельством повседневного быта кочевников, и их тотемом, и магической формулой, сопровождающей дух усопшего в будущую вечную жизнь среди благих небесных богов [Там же. С.11]. После таких слов несколько странно читать описание хрестоматийно известной куль-обской золотой бляхи в форме оленя, «скорчившегося от смертельной раны и как бы прикрытого собакою, львом, грифоном, даже зайцем, которые вырезаны <...> на его теле» [Там же. С. 54–55]. А вот религиозное почитание рыбы автор, по всей видимости, правильно связывал с представлением о посмертном плавании на отдаленные острова блаженных, т.е. переселением души усопшего по реке на место вечного упокоения [Там же. С. 25–27].

Н.П. Кондакова по-прежнему волновал вопрос античных влияний на варварское население Северного Причерноморья, при этом он указывал, что «усвоение символов чужой культуры является часто лишь заменой своих туземных на основании родственной их близости» [Там же. С. 30]. «Пестрое богатство скифских похорон», по его мнению, хорошо представлено в Куль-Обе, где можно проследить и изящество греческого вкуса, и «столь определенный варварский характер, который не только не ослабел от соприкосновения с античною культурою, но выразился *как бы на показ и усиленно*, отчасти благодаря услугам греческих мастеров, сумевших найти в чуждом мире варваров жизненные черты простого быта, *создать образ скифа, в условных эмблемах и символах выразить любовь кочевника к своему быту*» [Там же. С.33–35; везде курсив мой – Ю.В.]. Под греческим влиянием произведения скифского искусства «приобрели тот *условный греческий облик*, который с конца IV в. до Р. Хр. охватил все варварские мастерские» [Там же. С. 53–54]. Искусство потеряло, по выражению исследователя, реализм, который был восстановлен «разве только в керченских катакомбах» [Там же. Л. 54]. Удивительно, но любому человеку, хотя бы поверхностно знакомому с керченскими расписными катакомбами, вполне понятно, что представленные в них изображения очень далеки от реализма в привычном понимании этого слова. Их можно считать безыскусными, схематическими, даже грубыми, но никак не реалистическими, и что Никодим Павлович имел здесь в виду, понять очень сложно, – м.б. отсутствие всякой идеализации образов.

В заключение своих рассуждений Н.П. Кондаков обратился к древностям Пермского края, произведениям так называемого пермского звериного стиля. Напомню, что на одной бронзовой пластине из этого круга древностей он видел изображение вознесения Александра Македонского, что вызвало серьезную критику со стороны Д.Н. Анучина. Отвечая оппоненту, исследователь призвал его не предаваться глубокомысленным рассуждениям об отвлеченных предметах, а обратиться к древним образцам, тогда, по его мнению, и изображение сцены вознесения Александра Македонского станет более понятной. По заключению Никодима Павловича, эти предметы были амулетами, связанными с религиозными представлениями и суевериями древнего населения Пермского края. Они имитировали какие-то восточные формы; с сибирскими предметами их роднит «та же страстная напряженность летящих птиц, извивающихся гадов, бросающихся хищников» [Там же. С.60]. Однако, вопрос о том, как в этот круг проник образ Александра Македонского, для читателя так и остался неясным. Во всяком случае, современные исследователи пермского звериного стиля таких сближений не допускают [см. Грибова, 1975; Оборин, 1976; Оборин, Чагин, 1988; Балакин, 1998; Игнатьева, 2009].

Надо признать, что в последней работе Н.П. Кондакова содержится немало ценных мыслей и наблюдений, но и всякого рода неточностей, связанных с этнической атрибуцией отдельных погребальных памятников, их датировкой и пр., в ней тоже хватает. Главное, однако, заключается в другом – автор не вышел из круга представлений, что только история искусств делает археологию научной дисциплиной.

Конечно, было бы большой ошибкой требовать от 70-летнего человека кардинального пересмотра своей концепции, принесшей ему столь большой успех. В этом отношении стоит напомнить во многом справедливое мнение академика С.А. Жебелёва, что 70 лет «является предельным возрастом для ученого» [см. Виноградов, 2013. С. 167]. Не стоит забывать при этом, что моя статья посвящена вкладу исследователя в античную археологию, а ведь многие ученые до сих пор считают (и, увы, не безосновательно), что эта область знания сохранила слишком много «родимых пятен» прошлого, в ней слишком много внимания уделяется изучению памятников искусства, а собственно археологические данные чаще всего используются как сугубо иллюстративные или, в лучшем случае, дополнительные к сведениям, известным из письменной традиции [см. Геннинг, 1982. С.65; ср. Cunliffe, 1988. P.1]. По этой причине не будем судить Н.П. Кондакова слишком строго, а воздадим ему благодарность за тот огомный вклад, который он внес в археологию, в том числе античную и скифо-сарматскую. Наконец, следует особо подчеркнуть, что Никодим Павлович был учителем группы выдающихся исследователей, составивших кружок «фактопклонников», – С.А. Жебелёва, Я.И. Смирнова, М.И. Ростовцева и др. [Тихонов, 2001. С. 28]. Л.С. Клейн по этому поводу писал: «Если бы Н.П. Кондаков только и сделал, что подготовил эту могучую плеяду учеников, этого было бы достаточно, чтобы увековечить его имя в науке» [Клейн, 2014. С. 553]. И эти слова ни в коей мере не являются преувеличением!

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Айналов Д.В.* Русские клады. Исследование древностей велико-княжеского периода Н. Кондакова. Т. 1. СПб, 1896 // ЖМНП. 1897. Июль. С. 159–172.
- Анучин Д.* Крупный новый труд по истории русского искусства и древностям // Русские ведомости. 1897а. № 105. С. 2–3.
- Анучин Д.Н.* Археологическое значение «Мономаховой шапки» по мнению Н.П. Кондакова // Археологические известия и заметки. 1897б. № 5–6. С. 163–165.
- Артамонов М.И.* Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Л.: Советский художник; Прага: Артия, 1966. 120 с., 331 табл.
- Ашик А.Б.* Керченские древности. О пантикапейской катакомбе, украшенной фресками. Одесса: Типография А. Брауна, 1845. 50 с.
- Балакин Ю.В.* Урало-сибирское культовое литьё в мифе и ритуале. Новосибирск: Наука, 1998. 288 с.
- Басаргина Е.Ю.* Археологический институт им. Н.П. Кондакова (Seminarium Kondakovianum). По материалам архивов Праги // Мир русской византистики. Материалы архивов Санкт-Петербурга / Ред. И.П. Медведев. СПб: Дмитрий Буланин, 2004. С. 766–811.
- Басаргина Е.Ю., Засрожная Е.Г.* Премии имени К.К. Гёрца // Человек и древности. Памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009) / Отв. ред. И.С. Каменецкий, А.И. Сорокина. М.: Гриф и К., 2010. С. 642–653.
- Белов А.* Академик Никодим Павлович Кондаков (К пятидесятилетию его учёной деятельности) // Исторический вестник. 1916. № 11. С. 454–462.
- Бертье-Делагард А.Л.* Древности Южной России. Раскопки Херсонеса // МАР. 1893. № 12. 64 с., VII табл.

- Бутягин А.М., Виноградов Ю.А.* Юз-Оба. Курганный некрополь аристократии Боспора. Т. II. Курганы на мысе Ак-Бурун. Симферополь; Керчь: Тов. «Майстер Книг», 2014. 184 с.
- Васильева Р.В.* *Документы Н.П. Кондакова* в Рукописном архиве Института истории материальной культуры РАН (краткий обзор) // Никодим Павлович Кондаков. Личность, научное наследие, архив / Науч. ред. И.Д. Соловьёва. СПб: Palace editions, 2001. С. 43–50.
- Виноградов Ю.А.* О смысле изображений на большом лекифе Ксенофанта // БИ. 2006. Вып. 13. С. 134–161.
- Виноградов Ю.А.* Большой лекиф Ксенофанта. СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. 63 с.
- Виноградов Ю.А.* Страницы истории боспорской археологии. Эпоха Императорской археологической комиссии (1859 – 1917). Керчь: Крымское отделение Института востоковедения НАН Украины, 2012. 368 с. (БИ. Вып. 27).
- Виноградов Ю.А.* Отдел истории античной культуры // Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014) / Отв. ред. Е.Н. Носов. СПб: «Дмитрий Буланин», 2013. С. 160–190.
- Виноградов Ю.А.* Курган у села Баксы в Восточном Крыму // БИ. 2014а. Вып. 30. С. 510–528.
- Виноградов Ю.А.* Еще раз о кургане у села Баксы в Восточном Крыму // БИ. 2014б. Вып. 30. С. 529–534.
- Виноградов Ю.А.* Культура боспорской элиты при Спартокидах // БИ. 2017. Вып. 34. С. 112–223.
- Виноградов Ю.А.* Императорская археологическая комиссия и изучение древностей Боспора Киммерийского // Императорская археологическая комиссия (1859–1917): история первого государственного учреждения российской археологии от основания до реформы. Т. 1 / Науч. редакторы-составители А.Е. Мусин, М.В. Медведева. 2-е изд. СПб: ИИМК РАН, 2019. С. 354–536.
- Виноградов Ю.А.* Дмитрий Николаевич Анучин (1843 – 1923) // Отцы-основатели РАИМК: их жизненный путь и вклад в науку / научный редактор-составитель В.А. Горончаровский. СПб: ИИМК РАН, 2022. С. 434–460.
- Виноградов Ю.А.* К.К. Гёрц. Письма с Боспора Киммерийского // БИ. 2023. Вып. 47. С. 292–331.
- Виноградов Ю.А.* Н.П. Кондаков и Императорская археологическая комиссия // Сохраняя российское и мировое культурное наследие. 165 лет Императорской археологической комиссии / Отв. ред. С.А. Васильев. СПб: ИИМК РАН, 2024а. С. 15–25.
- Виноградов Ю.А.* Археологическое путешествие Н.П. Кондакова 1874 г. // Культуры и цивилизации Центральной Азии от неолита до средневековья. Материалы Международной научной конференции, посвящённой 120-летию А.М. Беленицкого, 95-летию В.М. Массона и 100-летию Ю.А. Заднепровского / Отв. ред. В.П. Никоноров, Е.О. Стоянов. СПб: Институт истории материальной культуры, 2024б. С. 251–255.
- Виноградов Ю.А., Зинько В.Н., Смекалова Т.Н.* Юз-Оба. Курганный некрополь аристократии Боспора. Т. I. История изучения и топография. Симферополь; Керчь: Майстер Книг, 2012. 288 с. (БИ. Supplementum 9).
- Ворошилов А.Н., Ворошилова О.М., Жуковский М.О., Кузнецов В.Д.* Курган Бююр-Гора (Бурерова могила) – усыпальница элиты столицы Азиатского Боспора // Элита Боспора и боспорская элитарная культура. Материалы Международного круглого стола / Отв. ред. В.Ю. Зуев, В.А. Хршановский. СПб: ПАЛАЦЦО, 2016. С. 147–164.
- Генинг В.Ф.* Очерки по истории советской археологии. Киев: Накова думка, 1982. 223 с.

- Гёргс К.К. Собрание сочинений, изданное Императорскою Академиею Наук. Вып. 1. Археологическая топография Таманского полуострова. СПб: Типография Императорской АН, 1898а. 163 с.
- Гёргс К.К. Собрание сочинений, изданное Императорскою Академиею Наук. Вып. 2. Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове. СПб: Типография Императорской АН, 1898а. 151 с.
- Грибова Л.С. Пермский звериный стиль (проблемы семантики). М.: Наука, 1975. 146 с.
- Гриненко Л.О. Херсонес: рождение музея. Обзор идей и воплощений в XIX в. // Археология античного и средневекового города / Ред. А.Г. Герцен и др. Севастополь; Калининград: РОСТ-ДООАФК, 2018. С. 66–83.
- Длужневская Г.В. Материалы Н.П. Кондакова в собрании Института истории материальной культуры // Никодим Павлович Кондаков. Личность, научное наследие, архив / Науч. ред. И.Д. Соловьёва. СПб: Palace editions, 2001. С. 35–42.
- Жебелёв С.А. Введение в археологию. Ч. I. История археологических знаний. Петроград: Наука и школа, 1923. 196 с.
- Жебелёв С.А. Русское византиноведение, его прошлое, его задачи в советской науке // ВДИ. 1938. № 4. С. 13–22.
- Игнатъева О.В. Пермский звериный стиль: история коллекций и их изучение. Пермь: Издательско-полиграфический комплекс ОТ и ДО, 2009. 160 с.
- Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII–IV вв. до н. э. Киев: Наукова думка, 1983. 378 с.
- Кац В.И. Археологические детективы и заметки на полях в качестве гарнира. Саратов: Изд-во «Кузница рекламы», 2023. 268 с.
- Кащеев В.И. Кондаков Никодим Павлович // Словарь петербургских антиковедов XIX – начала XX века. Т. I. СПб: Bibliotheca classica Petropolitana, 2021. С. 365–372.
- Клейн Л.С. История русской археологии: учения, школы и личности. Т. 1. Общий обзор и до-революционное время. СПб: Евразия, 2014. 704 с.
- Кондаков Н. Наука классической археологии и теория искусства // Записки Императорского новороссийского университета. 1872. Т. 8. С. 51–90.
- Кондаков Н. Памятник Гарпий из Малой Азии и символика греческого искусства. Одесса: Типография Ульриха и Шульце, 1873. 231 с.
- Кондаков Н.П. Из Керчи (письмо к профессору К.К. Гёргцу) // Московские ведомости. 1874а. № 202. С. 3–4.
- Кондаков Н.П. С Кавказского побережья. Письмо к профессору К.К. Гёргцу) // Московские ведомости. 1874б. № 208. С. 5.
- Кондаков Н.П. О некоторых мелких предметах древности, найденных в Аккермане в 1867 году // Труды Второго Археологического съезда в Санкт-Петербурге. СПб: Типография ИАН, 1876. С. 20–24.
- (Кондаков Н.П.) Отчет доцента Н. Кондакова о его занятиях за границей с 1-го марта по 1-е сентября 1875 г. // ЗИНУ. 1876а. Т. 18. С. 177–183.
- (Кондаков Н.П.) Отчет о занятиях за границей с 1 сентября 1875 г. по 1 марта 1876 г. // ЗИНУ. 1876б. Т. 20. С. 175–179.
- (Кондаков Н.П.) Отчет доцента Н. Кондакова о его занятиях за границей с 1-го марта по 1-е августа 1875 г. // ЗИНУ. 1877а. Т. 21. С. 277–286.
- Кондаков Н. Мраморный рельеф из Пантикапея // ЗООИД. 1877б. Т. 10. С. 16–25.
- Кондаков Н.П. Мелкие древности Кубанской и Терской областей // Труды Третьего

- археологического съезда. Т. I. Киев: Типография Императорского университета им.Св. Владимира, 1878. С. 139–146.
- Кондаков Н.* Греческие терракотовые статуэтки в их отношении к искусству, религии и быту // ЗООИД. 1879. Т. 11. С. 75–179.
- Кондаков Н.* Русский лицевой Апокалипсис. Ф. Буслаев. Свод изображений из лицевых Апокалипсисов по русским рукописям с XVI-го века по XIX-й. 1884. (Издание Императорского Общества любителей древней письменности) // ЖМНП. 1885. Июль. С. 110–142.
- Кондаков Н.* Рец. на книгу: «Метопы древнегреческих храмов. Исследование в области декоративной скульптуры» Владимира Мальмберга. Дерпт, 1892 // ЖМНП. 1892. Июнь. С. 339–353.
- Кондаков Н.* Рец. на книгу: А.Л. Бертье-Делагард. Древности Южной России. Раскопки Херсонеса. СПб, 1893 (12-й выпуск «Материалов по археологии России», издаваемых Императорскою Археологическою Комиссиею) // ЖМНП. 1893. Декабрь. С. 388–396.
- (*Кондаков Н.П.*) Кондаков Никодим Павлович // Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского С.-Петербургского университета. 1896–1894. СПб: Типография и литография Б. М. Вольфа, 1896а. С. 337–340.
- Кондаков Н.* Русские кладбы. Исследование древностей великокняжеского периода. Т. 1. СПб: Типография Главного управления уделов, 1896б. 214 с.
- Кондаков Н.П.* О научных задачах истории древне-русского искусства // Памятники древней письменности и искусства. 1899. [Вып.] 132. С. 1–47.
- Кондаков Н.П.* Рец. на книгу: Гампель. Древности Венгрии. 1905. Hampel. Altertümer des frühen Mittelalters in Ungarn. In 3 Bänden. 1-й Band. Systematische Erläuterung mit 2359 Abb. n. 2 Taf. 853 pf. 2-й Band. Fundbeschreibung. Mit. viel Abb. 1006 p. 3-й Band. Atlas 539 Tafeln // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. 1906. Т. 11. Кн. 3. С. 446–466.
- Кондаков Н.П.* Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук за 1906 год, составленный к торжественному заседанию Императорской Академии Наук 29 декабря 1906 года // Сборник Отделения Русского языка и словесности Императорской Академии Наук. 1907а. Т. 82. С. 1–26.
- Кондаков Н.П.* В.В. Стасов (Некролог) // ЖМНП. 1907б. Январь. С. 51–72.
- [*Кондаков Н.П.*] Кондаков Никодим Павлович // Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии Наук. Ч. 1. Петроград: Типография Императорской Академии Наук, 1915. 440 с.
- Кондаков Н.П.* Воспоминания и думы. Prague: Seminarium Kondakivianum, 1927. 79 с.
- Кондаков Н.П.* Очерки и заметки по истории средневекового искусства и культуры. Прага: Издание Чешской Академии наук и искусств, 1929. 455 с.
- Кондаков Н.П.* Воспоминания и думы. М.: Индрик, 2002. С. 17–190.
- Кузнецов В.Д., Ворошилов А.Н., Жуковский М.О.* Курган Боюр-Гора (предварительная публикация) // Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 4 / Ред. В.Д. Кузнецов. М.: Институт археологии РАН, 2016. С. 279–324.
- Кызласова И.А.* История изучения византийского и древнерусского искусства в России (Ф.И.Буслаев, Н. П. Кондаков: методы, идеи, теории). М.: Изд-во МГУ, 1985. 184 с.
- Латышев В.В.* Исследования об истории и государственном строе города Ольвия. СПб: Типография В. С. Балашева, 1887. 314 с.
- Малеин А.* Карл Карлович Гёрц (1820 – 1883). Биографический очерк. СПб: Императорская АН, 1912. 244 с.

- Мальмберг В.К.* Описание классических древностей, найденных в Херсонесе в 1888 и 1889 годах // МАР. 1892. № 7. С. 1–31.
- Маркевич А.В.* Двадцатилетие Императорского Новороссийского Университета (Историческая записка) // ЗИНУ. 1890. Т. 53. С. 1–734.
- Мусин А.Е., Медведева М.В., Платонова Н.И., Всевиов Л.М., Тихонов И.Л.* Очерк истории деятельности Императорской археологической комиссии в 1859–1917 гг. // Императорская археологическая комиссия (1859–1917): история первого государственного учреждения российской археологии от основания до реформы. Т. 1 / Науч. редакторы-составители А.Е. Мусин, М.В. Медведева. 2-е изд. СПб: ИИМК РАН, 2019. С. 62–353.
- Нидерле Л.* Значение Н.П. Кондакова в славянской археологии. Кондаков Н. П. Воспоминания и думы. М.: Индрик, 2002. 199–204.
- Одесский археологический музей АН УССР / ред. Л.Л. Ващенко. Киев: Наукова думка, 1983. 193 с.
- Оборин В.* Древнее искусство народов Прикамья. Пермский звериный стиль. Пермь: Пермское книжное издательство, 1976. 190 с.
- Оборин В.А., Чагин Г.Н.* Чудские древности Рифея. Пермский звериный стиль. Пермь: Пермское книжное издательство, 1988. 178 с.
- Передольская А.А.* Вазы Ксенофанта // ТОАМ. 1945. [Вып.] I. С. 47–67.
- Передольская А.А.* Терракоты из кургана Большая Близница и гомеровский гимн Деметре // ТГЭ. 1962. Т. VII. С. 46–92.
- Покровский Ф.И., Глубоковский Н.Н.* Академик Никодим Павлович Кондаков // Богословская энциклопедия. 1911. Т. 12. С. 743–758.
- Раденко М.Б.* Фёдор Иванович Буслаев: к 200-летию со дня рождения // Литературоведческий журнал. 2019. № 45. С. 116–154.
- Редин Е.К.* Профессор Никодим Павлович Кондаков. К тридцатилетней годовщине педагогической деятельности // ЗИРАО. 1897. Т. IX. Вып. 3–4. С. 1–40.
- Романчук А.И.* Н.П. Кондаков и начало систематических раскопок в Херсонесе // Мир Кондакова. Публикации. Статьи. Каталог выставки / Составитель И.Л. Кызласова. М.: Русский путь, 2004. С. 253–260.
- Романчук А.И.* Исследования Херсонеса–Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы. Т. 1. Античный полис. Тюмень: Тюменский государственный университет, 2008. 720 с.
- Романчук А. И. К.К. Косцюшко-Валюжинич: биография и некоторые аспекты деятельности // Археология античного и средневекового города / Ред. А.Г. Герцен и др. Севастополь; Калининград: РОСТ-ДОАФК, 2018. С. 205–216.*
- Ростовцев М.И.* Античная декоративная живопись на Юге России. СПб: Изд-во Императорской АН, 1913 (атлас), 300 табл., 1914 (текст). 456 с.
- Ростовцев М.И.* Эллинство и иранство на юге России. Петроград: Огни, 1918. 190 с.
- Ростовцев М.И.* Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературы и археологии. (Л.): Ленинградский Гублит, 1925. 621 с.
- Русин М.Б., Стёганцева В.Я.* Императорская археологическая комиссия и исследование памятников Кавказа и Предкавказья // Императорская археологическая комиссия (1859–1917): история первого государственного учреждения российской археологии от основания до реформы. Т. 2 / Науч. редакторы-составители А.Е. Мусин, М.В. Медведева. 2-е изд. СПб: ИИМК РАН, 2019. С. 921–1055.

- Сенаторов С.Н.* Скифское погребение кургана Кара-Меркит середины V в. до н. э. в Северо-Западном Крыму. По маьриалам Государственного Эрмитажа // АСГЭ. 2019. Вып. 42. С. 21–40.
- Силантьева Л.Ф.* Некрополь Нимфея // МИА. 1959. № 69. С. 5–197.
- Скифский роман /Ред. Г.М. Бонгард-Левин. М.: РОССПЭН, 1997. 624 с.
- Скржинская М.В.* Афинский мастер Ксенофант // ВДИ. 1999. № 3. С. 121–130.
- Стасов В. В.* Письма к деятелям русской культуры. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 349 с.
- Стоянов Р.В.* Императорская археологическая комиссия и изучение Херсонеса Таврического // Императорская археологическая комиссия (1859–1917): история первого государственного учреждения российской археологии от основания до реформы. Т. 1 / Науч. редакторы-составители А.Е. Мусин, М.В. Медведева. 2-е изд. СПб: ИИМК РАН, 2019. С. 743–782.
- Тихонов И.Л.* Становление классической археологии в Санкт-Петербургском университете: школа Н.П. Кондакова // Никодим Павлович Кондаков. Личность, научное наследие, архив / Науч. ред. И.Д. Соловьёва. СПб: Palace editions, 2001. С. 27–34.
- Толстой И.* Два капитальных труда по византийской и византийско-русской археологии // Космополис. 1898. Т. 10. № 6. С. 225–234.
- Толстой И.И., Кондаков Н.П.* Русские древности в памятниках искусства. Вып. 1. Классические древности Южной России. СПб: Типография Министерства путей сообщения, 1889а. 118 с.
- Толстой И.И., Кондаков Н.П.* Русские древности в памятниках искусства. Вып. 2. Древности скифо-сарматские. СПб: Типография Министерства путей сообщения, 1889б. 160 с.
- Толстой И.И., Кондаков Н.П.* Русские древности в памятниках искусства. Вып. 3. Древности переселения народов. СПб: Типография Министерства путей сообщения, 1890. 158 с.
- Толстой И.И., Кондаков Н.П.* Русские древности в памятниках искусства. Вып. 5. Курганные древности и клады домонгольского периода. СПб: Типография А. Бонке, 1897б. 163 с.
- Тункина И.В. Академик Н.П. Кондаков: последние годы жизни (по материалам эпистолярного наследия) // Мир русской византистики. Материалы архивов Санкт-Петербурга / Ред. И.П. Медведев. СПб: Дмитрий Буланин, 2004. С. 641–765.*
- Успенский Ф.И.* Памяти Никодима Павловича Кондакова // Извкстия АН СССР. 1926. Серия VI. № 9. С. 567–576.
- Фрэнсис Ф.* Сокровища Британского музея. М: Планета, 1984. 316 с.
- Хрушкова Л.Г.* Никодим Павлович Кондаков в зарубежной научной литературе // Археология античного и средневекового города / Ред. А.Г. Герцен и др. Севастополь; Калининград: РОСТ-ДОАФК, 2018. С. 260–295.
- Цамутали А.Н.* Н.П. Кондаков и русская историография конца XIX – начала XX века // Никодим Павлович Кондаков. Личность, научное наследие, архив / Науч. ред. И.Д. Соловьёва, 2001. С. 24–26.
- Burn L.* The British Museum Book of Greek and Roman Art. London: British Museum Press, 1991. 223 p.
- Cunliffe B.* Greeks, Romans and Barbarians. Spheres of Interactions. London: Methuen Publishing Company, 1988. 243 p.
- A Guide to the Department of Greek and Roman Antiquities in the British Museum. London: William Clowes and Sons Limited, 1912. 256 p.
- Hoffmann H.* Iconography and iconology // Hephaisstos. 1985/86. No. 7/8. P. 61–67.

- Petrakova A.* Late Attic Red-figure Vases from Burials in the Kerch Area: The Question of Interpretation in Ancient and Modern Contexts // *Vasenbilder im Kulturtransfer. Zirkulation und Rezeption griechischer Keramik im Mittelmeerraum* / Hrsg. S. Schmidt, A. Stähli. München: Verlag C.H. Beck, 2012. P. 151–164.
- Pryce F. N.* Catalogue of the Department of Greek and Roman Antiquities of the British Museum. Vol. I. Part I. Prehellenistic and Early Greek. London: British Museum, 1928. 214 p.
- Shefton B.* The krater from Baksy // *The Eye of Greece. Studies in the Art of Athens* / Eds. D. Kurtz and B. Spakers. Cambridge, London, New York: Cambridge University Press, 1982. P. 149–182.
- Shefton B.* The Baksy Krater once more and some observations on the East Pedium of the Parthenon // *Kotinos. Festschrift für Erika Simon* / Hrsg. H. Froning, T. Hölscher, H. Mielsch. Mainz/Rhein: Philipp von Zabern, 1992. P. 241–250.
- Skrzinskaya M. V.* Xenophantos, an Artisan of Athens // *Ancient Civilizations from Skythia to Siberia*. 2000. Vol. 6. No. 3–4. P. 281–295.
- Shefton B.* The krater from Baksy // *The Eye of Greece. Studies in the Art of Athens* / Eds. D. Kurtz and B. Spakers. Cambridge, London, New York: Cambridge University Press, 1982. P. 149–182.
- Vinogradov Yu. A.* Achaemenid Elements in the Elite Culture of the Cimmerian Bosphorus // *The Achaemenids, the Black Sea and Beyond. New Evidence and Studies. A volume to the memory of Prof. Alexandru Avram* / ed. Gocha R. Tsitsikhladze (†) with J. Hargrave. Leuven; Paris; Bristol: Peeters, 2023. P. 99–115 (*Colloquia Antiqua*. 40).

REFERENCES

- Aynalov D. V. Russkiye klady. Issledovaniye drevnostey veliko-knyazheskogo perioda N. Kondakova. T. 1. St. Petersburg, 1896. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1897. 7. P. 159–172.
- Anuchin D. Krupnyy novyy trud po istorii russkogo iskusstva i drevnostyam. *Russkiye vedomosti*. 1897a. № 105. P. 2–3.
- Anuchin D. N. Arkheologicheskoye znacheniyе «Monomakhovoy shapki» po mneniyu N. P. Kondakova. *Arkheologicheskkiye izvestiya i zametki*. 1897b. № 5–6. P. 163–165.
- Artamonov M. I. *Sokrovishcha skifskikh kurganov v sobranii Gosudarstvennogo Ermitazha*. Leningrad, Praga, 1966. 120 p., 331 tabl.
- Ashik A. B. *Kerchenskiye drevnosti. O pantikapeyskoy katakombe, ukrashennoy freskami*. Odessa, 1845. 50 p.
- Balakin Yu. V. Uralo-sibirskoye kul'tovoye lit'e v mife i rituale. Novosibirsk, 1998. 288 p.
- Basargina Ye. Yu. Arkheologicheskyy institut im. N. P. Kondakova (Seminarium Kondakovianum). Po materialam arkhivov Pragi. *Mir russkoy vizantinistiki. Materialy arkhivov Sankt-Peterburga*. St. Petersburg, 2004. P. 766–811.
- Basargina E. Yu., Zasrozhnova E. G. Premii imeni K. K. Gertsya. *Chelovek i drevnosti. Pamyati Aleksandra Aleksandrovicha Formozova (1928–2009)*. Moscow, 2010. P. 642–653.
- Belov A. Akademik Nikodim Pavlovich Kondakov (K pyatidesyatiletuyu yego uchonoy deyatelnosti). *Istoricheskyy vestnik*. 1916. № 11. P. 454–462.
- Bert'e-Delagard A. L. Drevnosti Yuzhnoy Rossii. Raskopki Khersonesa. *Materialy po arkheologii Rossii*. 1893. № 12. 64 s., VII tabl.
- Burn L. *The British Museum Book of Greek and Roman Art*. London, 1991. 223 p.

- Butyagin A.M., Vinogradov Yu.A. Yuz-Oba. *Kurgannyi nekropol' aristokratii Bospora. T. II. Kurgany na myse Ak-Burun*. Simferopol'; Kerch', 2014. 184 p.
- Cunliffe B. *Greeks, Romans and Barbarians. Spheres of Interactions*. London, 1988. 243 p.
- Dluzhnevskaya G.V. Materialy N.P. Kondakova v sobranii Instituta istorii material'noy kul'tury. *Nikodim Pavlovich Kondakov. Lichnost', nauchnoye naslediyе, arkhiv*. St. Petersburg, 2001. P. 35–42.
- A Guide to the Department of Greek and Roman Antiquities in the British Museum*. London, 1912. 256 p.
- Gening V.F. *Ocherki po istorii sovetskoй arkheologii*. Kiyev, 1982. 223 p.
- Gerts K.K. *Sobraniye sochineniy, izdannoe Imperatorskoй Akademiyе Nauk. Vyp. 1. Arkheologicheskaya topografiya Tamanskogo poluostrorva*. St. Petersburg, 1898a. 163 p.
- Gerts K. K. *Sobraniye sochineniy, izdannoe Imperatorskoй Akademiyе Nauk. Vyp. 2. Istoricheskiy obzor arkheologicheskikh issledovaniy i otkrytiy na Tamanskom poluostrorve*. St. Petersburg, 1898a. 151 p.
- Gribova L.S. *Permskiy zverinyi stil' (problemy semantiki)*. Moscow, 1975. 146 p.
- Grinenko L.O. Khersones: rozhdeniye muzeya. Obzor idey i voploshcheniy v XIX v. *Arkheologiya antichnogo i srednevekovogo goroda*. Sevastopol'; Kaliningrad, 2018. P. 66–83.
- Ignat'eva O.V. *Permskiy zverinyi stil': istoriya kolleksiy i ikh izucheniye*. Perm', 2009. 160 p.
- Hoffmann H. Iconography and iconology. *Hephaistos*. 1985/86. No. 7/8. P. 61–67.
- Il'inskiya V.A., Terenozhkin A.I. *Skifiya VII–IV vv. do n.e*. Kiyev, 1983. 378 p.
- Kats V.I. *Arkheologicheskiye detektiviy i zametki na polyakh v kachestve garnira*. Saratov, 2023. 268 p.
- Kashcheyev V.I. Kondakov Nikodim Pavlovich. *Slovar' peterburgskikh antikovedov XIX – nachala XX veka*. T. I. St. Petersburg, 2021. P. 365–372.
- Khrushkova L.G. Nikodim Pavlovich Kondakov v zarubezhnoy nauchnoy literature. *Arkheologiya antichnogo i srednevekovogo goroda*. Sevastopol'; Kaliningrad, 2018. P. 260–295.
- Kleyn L.S. *Istoriya russkoй arkheologii: ucheniya, shkoly i lichnosti. T. 1. Obshchiy obzor i dorevolutsionnoe vremya*. St. Petersburg, 2014. 704 p.
- Kondakov N. Nauka klassicheskoy arkheologii i teoriya iskusstva. *Zapiski Imperatorskogo novorossiyskogo universiteta*. 1872. T. 8. P. 51–90.
- Kondakov N. *Pamyatnik Garpiy iz Maloy Azii i simbolika grecheskogo iskusstva*. Odessa, 1873. 231 p.
- Kondakov N.P. Iz Kerchi (pis'mo k professoru K.K. Gertsu). *Moskovskiye vedomosti*. 1874a. №202. P. 3–4.
- Kondakov N.P. S Kavkazskogo poberezh'ya. Pis'mo k professoru K.K. Gertsu. *Moskovskiye vedomosti*. 1874b. № 208. P. 5.
- Kondakov N.P. O nekotorykh melkikh predmetakh drevnosti, naydennykh v Akkermane v 1867 godu. *Trudy Vtorogo Arkheologicheskogo s'ezda v Sankt-Peterburge*. St. Petersburg, 1876. P. 20–24.
- (Kondakov N.P.) Otchet dotsenta N. Kondakova o ego zanyatiyakh za granitsey s 1-go marta po 1-ye sentyabrya 1875 g. // *Zapiski Imperatorskogo novorossiyskogo universiteta*. 1876a. T. 18. P. 177–183.
- (Kondakov N.P.) Otchet o zanyatiyakh za granitsey s 1 sentyabrya 1875 g. po 1 marta 1876 g. *Zapiski Imperatorskogo novorossiyskogo universiteta*. 1876b. T. 20. P. 175–179.
- (Kondakov N.P.) Otchet dotsenta N. Kondakova o yego zanyatiyakh za granitsey s 1-go marta po 1-ye

- avgusta 1875 g. *Zapiski Imperatorskogo novorossiyskogo universiteta*. 1877a. T. 21. P. 277–286.
- Kondakov N. Mramornyy rel'yef iz Pantikapeya. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey*. 1877b. T. 10. P. 16–25.
- Kondakov N.P. Melkiye drevnosti Kubanskoj i Terskoj oblasti. *Trudy Tret'yego arkheologicheskogo s'yezda*. T. I. Kiyev, 1878. P. 139–146.
- Kondakov N. Grecheskie terrakotovye statuetki v ikh otnoshenii k iskusstvu, religii i bytu. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey*. 1879. T. 11. P. 75–179.
- Kondakov N. Russkiy litsevoy Apokalipsis. F. Buslayev. Svod izobrazheniy iz litsevyykh Apokalipsisov po russkim rukopisyam s XVI-go veka po XIX-y. 1884. (Izdaniye Imperatorskogo Obshchestva lyubiteley drevney pis'mennosti). *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosvechcheniya*. 1885. 7. P. 110–142.
- Kondakov N. Rets. na knigu: «Metopy drevnegrecheskikh khramov. Issledovaniye v oblasti dekorativnoy skul'ptury» Vladimira Mal'mberga. Derpt, 1892. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosvechcheniya*. 1892. 6. P. 339–353.
- Kondakov N. Rets. na knigu: A. L. Bert'ye-Delagard. Drevnosti Yuzhnoy Rossii. Raskopki Khersonesa. St. Petersburg, 1893 (12-y vypusk «Materialov po arkheologii Rossii», izdavayemykh Imperatorskoj Arkheologicheskoy Komissiyeyu). *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosvechcheniya*. 1893. 12. P. 388–396.
- (Kondakov N.P.) Kondakov Nikodim Pavlovich. *Biograficheskij slovar' professorov i prepodavateley Imperatorskogo S.-Peterburgskogo universiteta. 1896–1894*. St. Petersburg, 1896a. P. 337–340.
- Kondakov N. Russkie klady. Issledovanie drevnostey velikoknyazheskogo perioda. T. 1. St. Petersburg, 1896b. 214 p.
- Kondakov N.P. O nauchnykh zadachakh istorii drevne-russkogo iskusstva. *Pamyatniki drevney pismennosti i iskusstva*. 1899. [Vol.] 132. P. 1–47.
- Kondakov N.P. Rets. na knigu: Gampel'. Drevnosti Vengrii. 1905. Hampel. Altertümer des frühen Mittelalters in Ungarn. In 3 Bänden. 1-r Band. Systematische Erläuterung mit 2359 Abb. n. 2 Taf. 853 pf. 2-r Band. Fundbeschreibung. Mit. viel Abb. 1006 p. 3-r Band. Atlas 539 Tafeln. *Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoj Akademii Nauk*. 1906. T. 11. Kn. 3. P. 446–466.
- Kondakov N. P. Otchet o deyatelnosti Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoj Akademii Nauk za 1906 god, sostavlennyy k torzhestvennomu zasedaniyu Imperatorskoj Akademii Nauk 29 dekabrya 1906 goda. *Sbornik Otdeleniya Russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoj Akademii Nauk*. 1907a. T. 82. P. 1–26.
- Kondakov N. P. V. V. Stasov (Nekrolog). *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosvechcheniya*. 1907b. 1. P. 51–72.
- [Kondakov N.P.] Kondakov Nikodim Pavlovich. *Materialy dlya biograficheskogo slovarya deystvitel'nykh chlenov Imperatorskoj Akademii Nauk*. Vol. 1. Petrograd, 1915. 440 p.
- Kondakov N.P. *Vospominaniya i dumy*. Prague, 1927. 79 p.
- Kondakov N.P. *Ocherki i zametki po istorii srednevekovogo iskusstva i kul'tury*. Praga, 1929. 455 p.
- Kondakov N.P. *Vospominaniya i dumy*. Moscow, 2002. P. 17–190.
- Kuznetsov V.D., Voroshilov A.N., Zhukovskiy M.O. Kurgan Boyur-Gora (predvaritel'naya publikatsiya). *Fanagoriya. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy*. T. 4. Moscow, 2016. P. 279–324.

- Kyzlasova I.A. *Istoriya izucheniya vizantiyskogo i drevnerusskogo iskusstva v Rossii (F.I. Buslayev, N.P. Kondakov: metody, idei, teorii)*. Moscow, 1985. 184 p.
- Latyshev V.V. *Issledovaniya ob istorii i gosudarstvennom stroye goroda Ol'viya*. St. Petersburg, 1887. 314 p.
- Malein A. Karl Karlovich Gerts (1820 – 1883). *Biograficheskiy ocherk*. St. Petersburg, 1912. 244 p.
- Mal'mberg V.K. *Opisanie klassicheskikh drevnostey, naydennykh v Khersonese v 1888 i 1889 godakh. Materialy po arkheologii Rossii*. 1892. № 7. P. 1–31.
- Markevich A.V. *Dvadtsatiletie Imperatorskogo Novorossiyskogo Universiteta (Istoricheskaya zapiska)*. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosvechcheniya*. 1890. T. 53. P. 1–734.
- Musin A.Ye., Medvedeva M.V., Platonova N.I., Vseviov L.M., Tikhonov I.L. *Ocherk istorii deyatelnosti Imperatorskoy arkheologicheskoy komissii v 1859–1917 gg. Imperatorskaya arkheologicheskaya komissiya (1859–1917): istoriya pervogo gosudarstvennogo uchrezhdeniya rossiyskoy arkheologii ot osnovaniya do reformy*. T. 1. St. Petersburg, 2019. P. 62–353.
- Niderle L. *Znachenie N.P. Kondakova v slavyanskoy arkheologii. Kondakov N.P. Vospominaniya i dумы*. Moscow, 2002. P. 199–204.
- Odesskiy arkheologicheskiy muzey AN USSR*. Kiyev, 1983. 193 p.
- Oborin V. *Drevnee iskusstvo narodov Prikam'ya. Permskiy zverinyy stil'*. Perm', 1976. 190 p.
- Oborin V.A., Chagin G.N. *Chudskiye drevnosti Rifeya. Permskiy zverinyy stil'*. Perm', 1988. 178 p.
- Peredol'skaya A.A. *Vazy Ksenofanta. Trudy Otdela anyichnogo mira Gosudarstvennogo Ermitazha*. 1945. [Vol.] I. P. 47–67.
- Peredol'skaya A.A. *Terrakoty iz kurgana Bol'shaya Bliznitsa i gomerovskiy gimn Demetre. Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*. 1962. T. VII. P. 46–92.
- Petrakova A. *Late Attic Red-figure Vases from Burials in the Kerch Area: The Question of Interpretation in Ancient and Modern Contexts. Vasenbilder im Kulturtransfer. Zirkulation und Rezeption griechischer Keramik im Mittelmeerraum*. München, 2012. P. 151–164.
- Pokrovskiy F.I., Glubokovskiy N.N. *Akademik Nikodim Pavlovich Kondakov. Bogoslovskaya entsiklopediya*. 1911. T. 12. P. 743–758.
- Pryce F.N. *Catalogue of the Department of Greek and Roman Antiquities of the British Museum. Vol. I. Part I. Prehellenistic and Early Greek*. London, 1928. 214 p.
- Radenko M.B. *Fedor Ivanovich Buslayev: k 200-letiyu so dnya rozhdeniya. Literaturovedcheskiy zhurnal*. 2019. No. 45. P. 116–154.
- Redin E.K. *Professor Nikodim Pavlovich Kondakov. K tridtsatiletiyushchinicheskoy pedagogicheskoy deyatelnosti. Zapiski Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva*. 1897. T. IX. No. 3–4. P. 1–40.
- Romanchuk A.I. *N.P. Kondakov i nachalo sistemnykh raskopok v Khersonese. Mir Kondakova. Publikatsii. Stat'i. Katalog vystavok*. Moscow, 2004. P. 253–260.
- Romanchuk A.I. *Issledovaniya Khersonesa–Khersona. Raskopki. Gipotezy. Problemy*. T. 1. Antichnyy polis. Tyumen', 2008. 720 p.
- Romanchuk A.I. *K.K. Kostyushko-Valyuzhinich: biografiya i nekotorye aspekty deyatelnosti. Arkheologiya antichnogo i srednevekovogo goroda*. Sevastopol'; Kaliningrad, 2018. P. 205–216.
- Rostovtsev M.I. *Antichnaya dekorativnaya zhivopis' na Yuge Rossii*. St. Petersburg, 1913 (atlas), 300 tabl., 1914 (tekst). 456 p.
- Rostovtsev M.I. *Ellinstvo i iranstvo na yuge Rossii*. Petrograd, 1918. 190 p.

- Rostovtsev M.I. *Skifiya i Bospor. Kriticheskoye obozreniye pamyatnikov literatury i arkheologii.* (Leningrad), 1925. 621 p.
- Rysin M.B., Stegantseva V.Ya. Imperatorskaya arkheologicheskaya komissiya i issledovaniye pamyatnikov Kavkaza i Predkavkaz'ya. *Imperatorskaya arkheologicheskaya komissiya (1859–1917): istoriya pervogo gosudarstvennogo uchrezhdeniya rossiyskoy arkheologii ot osnovaniya do reformy.* T. 2. St. Petersburg, 2019. P. 921–1055.
- Senatory S.N. Skifskoe pogrebenie kurgana Kara-Merkit s V v. do n.e. v Severo-Zapadnom Krymu. Po ma'yerialam Gosudarstvennogo Ermitazha. *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha.* 2019. Vol. 42. P. 21–40.
- Shefton B. The krater from Baksy. *The Eye of Greece. Studies in the Art of Athens.* Cambridge; London; New York, 1982. P. 149–182.
- Shefton B. The Baksy Krater once more and some observations on the East Pedium of the Parthenon. *Kotinos. Festschrift für Erika Simon.* Mainz/Rhein, 1992. P. 241–250.
- Silant'yeva L.F. Nekropol' Nimfeya. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR.* 1959. № 69. P. 5–197.
- Skifskiy roman.* Moscow, 1997. 624 p.
- Skrzhinskaya M.V. Afinskiy master Ksenofant, *Vestnik drevney istorii.* 1999. № 3. P. 121–130.
- Skrzhinskaya M.V. Xenophantos, an Artisan of Athens. *Ancient Civilizations from Skythia to Siberia.* 2000. Vol. 6. No. 3–4. P. 281–295.
- Stasov V.V. *Pis'ma k deyatelyam russkoy kul'tury.* T. 1. Moscow, 1962. 349 p.
- Stoyanov R.V. *Imperatorskaya arkheologicheskaya komissiya i izuchenie Khersonesa Tavricheskogo. Imperatorskaya arkheologicheskaya komissiya (1859–1917): istoriya pervogo gosudarstvennogo uchrezhdeniya rossiyskoy arkheologii ot osnovaniya do reformy.* T. 1. St. Petersburg, 2019. P. 743–782.
- Tikhonov I.L. Stanovleniye klassicheskoy arkheologii v Sankt-Peterburgskom universitete: shkola N.P. Kondakova. *Nikodim Pavlovich Kondakov. Lichnost', nauchnoe nasledie, arkhiv.* St. Petersburg, 2001. S. 27–34.
- Tolstoy I. Dva kapital'nykh truda po vizantiyskoy i vizantiysko-russkoy arkheologii. *Kosmopolis.* 1898. T. 10. № 6. P. 225–234.
- Tolstoy I.I., Kondakov N.P. *Russkie drevnosti v pamyatnikakh iskusstva.* Vol. 1. Klassicheskie drevnosti Yuzhnoy Rossii. St. Petersburg, 1889a. 118 p.
- Tolstoy I.I., Kondakov N.P. *Russkie drevnosti v pamyatnikakh iskusstva.* Vol. 2. Drevnosti skifo-sarmatskie. St. Petersburg, 1889b. 160 p.
- Tolstoy I.I., Kondakov N.P. *Russkie drevnosti v pamyatnikakh iskusstva.* Vol. 3. Drevnosti pereseleniya narodov. St. Petersburg, 1890. 158 p.
- Tolstoy I.I., Kondakov N.P. *Russkie drevnosti v pamyatnikakh iskusstva.* Vol. 5. Kurgannye drevnosti i klady domongol'skogo perioda. St. Petersburg, 1897b. 163 p.
- Tsamutali A.N. N.P. Kondakov i russkaya istoriografiya kontsa XIX – nachala XX veka. *Nikodim Pavlovich Kondakov. Lichnost', nauchnoye nasledie, arkhiv.* St. Petersburg, 2001. S. 24–26.
- Tunkina I.V. Akademik N.P. Kondakov: poslednie gody zhizni (po materialam epistolyarnogo naslediya). *Mir russkoy vizantinistiki. Materialy arkhivov Sankt-Peterburga.* St. Petersburg, 2004. P. 641–765.
- Uspenskiy F.I. Pamyati Nikodima Pavlovicha Kondakova. *Izvkstiya Akademii Nauk SSSR.* 1926. Seriya VI. № 9. P. 567–576.
- Vasil'yeva R.V. Dokumenty N.P. Kondakova v Rukopisnom arkhive Instituta istorii material'noy

- kul'tury RAN (kratkiy obzor). *Nikodim Pavlovich Kondakov. Lichnost', nauchnoye naslediyе, arkhiv*. St. Petersburg, 2001. P. 43–50.
- Vinogradov Yu.A. O smysle izobrazheniy na bol'shom lekife Ksenofanta. *Bosporskie issledovaniya*. 2006. Vol. 13. P. 134–161.
- Vinogradov Yu.A. *Bol'shoy lekif Ksenofanta*. St. Petersburg, 2007. 63 p.
- Vinogradov Yu.A. *Stranitsy istorii bosporskoy arkheologii. Epokha Imperatorskoy arkheologicheskoy komissii (1859 – 1917)*. Kerch', 2012. 368p. (*Bosporskie issledovaniya*. Vol. 27).
- Vinogradov Yu.A. Otdel istorii antichnoy kul'tury. *Akademicheskaya arkheologiya na beregakh Nevy (ot RAIMK do IIMK RAN, 1919–2014)*. St. Petersburg, 2013. P. 160–190.
- Vinogradov Yu.A. Kurgan u sela Baksy v Vostochnom Krymu. *Bosporskie issledovaniya*. 2014a. Vol. 30. P. 510–528.
- Vinogradov Yu.A. Yeshche raz o kurgane u sela Baksy v Vostochnom Krymu // *Bosporskie issledovaniya*. 2014b. Vol. 30. P. 529–534.
- Vinogradov Yu.A. Kul'tura bosporskoy elity pri Spartokidakh. *Bosporskie issledovaniya*. 2017. Vol. 34. P. 112–223.
- Vinogradov Yu.A. Imperatorskaya arkheologicheskaya komissiya i izucheniye drevnostey Bospora Kimmeriyskogo. *Imperatorskaya arkheologicheskaya komissiya (1859–1917): istoriya pervogo gosudarstvennogo uchrezhdeniya rossiyskoy arkheologii ot osnovaniya do reformy*. T. 1. St. Petersburg, 2019. P. 354–536.
- Vinogradov Yu.A. Dmitriy Nikolayevich Anuchin (1843 – 1923). *Ottsy-osnovateli RAIMK: ikh zhiznenny put' i vklad v nauku*. St. Petersburg, 2022. P. 434–460.
- Vinogradov Yu.A. K. K. Gerts. Pis'ma s Bospora Kimmeriyskogo. *Bosporskie issledovaniya*. 2023. Vol. 47. P. 292–331.
- Vinogradov Yu.A. Achaemenid Elements in the Elite Culture of the Cimmerian Bosporus. *The Achaemenids, the Black Sea and Beyond. New Evidence and Studies. A volume to the memory of Prof. Alexandru Avram*. Leuven; Paris; Bristol, 2023. P. 99–115 (Colloquia Antiqua. 40).
- Vinogradov Yu.A. N.P. Kondakov i Imperatorskaya arkheologicheskaya komissiya. *Sokhranyaya rossiyskoe i mirovoe kul'turnoye naslediyе. 165 let Imperatorskoy arkheologicheskoy komissii*. St. Petersburg, 2024a. P. 15–25.
- Vinogradov Yu.A. Arkheologicheskoe puteshestvie N.P. Kondakova 1874 g. *Kul'tury i tsivilizatsii Tsentral'noy Azii ot neolita srednevekov'ya. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyaschennoy 120-letiyu A.M. Belenitskogo, 95-letiyu V.M. Massona i 100-letiyu Yu.A. Zadneprovskogo*. St. Petersburg, 2024b. P. 251–255.
- Vinogradov Yu.A., Zin'ko V.N., Smekalova T.N. Yuz-Oba. Kurganny nekropol' aristokratii Bospora. T. I. *Istoriya izucheniya i topografiya*. Simferopol'; Kerch', 2012. 288 p. (*Bosporskie issledovaniya*. Supplementum 9).
- Voroshilov A.N., Voroshilova O.M., Zhukovskiy M.O., Kuznetsov V.D. Kurgan Boyur-Gora (Buyerova mogila) – usypal'nitsa elity stolitsy Aziatskogo Bospora. *Elita Bospora i bosporskaya elitarnaya kul'tura. Materialy Mezhdunarodnogo kruglogo stola*. St. Petersburg, 2016. P. 147–164.
- Zhebelev S.A. *Vvedenie v arkheologiyu*. Vol. I. *Istoriya arkheologicheskikh znaniy*. Petrograd, 1923. 196 p.
- Zhebelev S.A. Russkoe vizantinovedenie, ego proshloe, ego zadachi v sovetskoй науке. *Vestnik drevney istorii*. 1938. № 4. P. 13–22.

Резюме

Н.П. Кондаков (1844 – 1925) сделал много для археологической науки. С 1870 г. он трудился на кафедре теории и истории искусств в Новороссийском университете (Одесса). В 1873 г. Н.П. Кондаков защитил магистерскую диссертацию о Памятнике гарпий в Малой Азии. В 1876 г. исследователь был приглашен в Императорскую археологическую комиссию. С этого времени Н.П. Кондаков проводил раскопки курганов Боспора Киммерийского. С 1888г. он принимал активное участие в организации систематических исследований Херсонеса Таврического. Его научные публикации основаны на понимании археологии как части истории искусств. Этой идее Н.П. Кондаков был верен до конца своих дней.

Ключевые слова: история науки, античная археология, Боспор Киммерийский, Херсонес Таврический, Императорская археологическая комиссия.

Summary

N.P. Kondakov (1844 – 1925) has done a lot for archaeological science. Since 1870, he worked at the Department of Theory and History of Art at Novorossiysk University (Odessa). In 1873 N.P.Kondakov supported his master's thesis on the Harpy Tomb in Asia Minor. In 1876, the researcher was invited to the Imperial Archaeological Commission. Since that time, N.P. Kondakov has been excavating the tumuli of the Cimmerian Bosphorus. Since 1888, he took an active part in the organization of systematic research of Tauric Chersonesos. His scientific publications are based on an understanding of archaeology as part of art history. N.P. Kondakov was faithful to this idea until the end of his days.

Key words: history of science, classical archaeology, Cimmerian Bosphorus, Tauric Chersonesus, Imperial Archaeological Commission.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Виноградов Юрий Алексеевич,
доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Института Истории материальной культуры РАН
(С-Петербург)
8 981 748-65-60
vincat2008@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vinogradov Yurii Alekseevich,
doctor of the historical sciences,
leading scientific researcher of the Institute
for the History of Material Culture RAS
(St. Petersburg)
8 981 748-65-60
vincat2008@yandex.ru